

Валерий Лобков

Воительница Ольга

КНИГА ВТОРАЯ

Валерий Лобков

Воительница Ольга. Книга вторая

«Издательские решения»

Лобков В.

Воительница Ольга. Книга вторая / В. Лобков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908566-5

Судьба Воительницы Ольги сделала крутой зигзаг. После победного похода, но в результате которого князь Роман попал в плен, Ольга по воле жителей стольного города получает в свое ведение корону Ивельского княжества. Но не княжеские заботы волнуют Великую Воительницу. Главная её цель — освобождение своего возлюбленного из вражьего полна. И все это на фоне новых тайн и загадок, которые нужно разгадать. Поединки, радость побед, горечь поражений, разбитая любовь — все это во второй книге.

ISBN 978-5-44-908566-5

© Лобков В.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	9
3	12
4	17
5	20
6	24
7	27
8	30
9	34
10	38
11	41
12	44
13	47
14	50
15	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Воительница Ольга

Книга вторая

Валерий Лобков

© Валерий Лобков, 2018

ISBN 978-5-4490-8566-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

До окончания месяца зарева, оставалось один день. На пороге стоял уже ревун (ревун – сентябрь), первый месяц осени. Но, видно у природы не было под рукой календаря, и она поспешила распрощаться с летом.

Над Ивелем висели тяжелые, набухшие водой тучи. Дождя не было, но воздух был пропитан мельчайшей взвесью осенней сырости. Стоило выйти под открытое небо и через мгновение, липкая, мерзкая влажность, забиралась под одежду и каплями оседала на лице.

Сотни Вяхиря и Симака возвращались в стольный город последними. Настроение было под стать погоде. Гридни, сгорбившись сидели на мокрых лошадях, в лоснившихся от водяного тумана кольчугах и разговоры, между собой, не заводили. Каждый думал о своем, но мысли у всех были одинаковы. Даже кони чувствовали их настроение: шли медленно, с трудом переставляя ноги по раскисшей земле тракта и низко, к коленям, опутив головы. Тоска, тоска, тоска!

Вроде бы одержана победа над более чем трехтысячным войском полных князей. Одержана, куда меньшими силами. Беззаговорочно и окончательно. И потери, у нас и у них – несопоставимы! Одних пленных захватили, вместе с ранеными, – более тысячи человек!

А ликования и радости – ни на золотник! Это гадское слово «вроде бы», сводит на нет, все заслуги воительницы, сотников, десятников и простых воинов. Кого восхвалять и чествовать за победу? Князя нет, воительницы нет! Где они и какова их судьба – тайна за семью печатями. Отсюда уныние. Отсюда тоска! Такие мысли были почти у всех дружинников, вернувшихся из похода.

О том, что поиски князя результатов не дали, и что воительница, отправившаяся на поиски за реку, в отведенные для этого трое суток, весточки не подала и сгнула с концами вместе с десятью лучшими воинами – знали все жители стольного города.

Вот тебе и сладкое слово победа, с горьким привкусом поражения! Тоска.. Тоска.. Тоска..

Две сотни малой дружины Игрицы, подъехали к главным воротам Ивеля. Почти две сотни. В походе они потеряли всего двенадцать побратимов. Семь гриден полегло у Вяхиря и пять – у Симака. Малые потери воинов речных ворот, объяснялись наукой воительницы и прилежностью её учеников.

На входе в стольный город, стояла небольшая толпа жителей. Не встречающих, а случайно здесь оказавшихся. О прибытии Игрицких сотен, никто в городе не знал.

Встречали молча. Ни хвалебного славословия, ни радостного приветствия! Ни плача, ни причитаний, ни заунывных погребальных песен! Тревожная тишина. Оно и понятно: воины хоть и свои, но совсем незнакомые: из далекой Игрицы.

Въехали в ворота. Сейчас они напоминали не славных победителей, а нахохлившихся мокрых воробьев. Держа строй – направились к княжеским хоромам, благо дорогу помнили. Копыта лошадей оставляли грязь на вымощенной плахами улице. За ними последовали горожане, повстречавшиеся им возле ворот. К ним присоединялись все встречные и поперечные. Толпа увеличивалась. При въезде на главную площадь, их уже сопровождали не менее пяти сотен человек.

Остановились перед рвом, который опоясывал княжеское подворье, хотя подъемный мост был опущен. Перестроились на площади в две шеренги, спешили, обнажили головы и замерли. По центру строя – Вяхирь и Симак. Прямо напротив открытых ворот.

Через малое время, на мосту показалась большая, более сотни человек, группа бояр. Впереди, опираясь на высокий посох, с трудом переставляя ноги – старая мать — Великая Княгиня. На шаг позади – старшина Калина. Не дойдя трех шагов до сотников, остановились. Те, отвесили земной поклон. Но старая княгиня, казалось, его не заметила и, скрипучим голосом, обратилась без приветствия:

– Ну, что, доблестные витязи, светлого нашего князя потеряли? Когда он, аки коршун, порвал построения врага, и потом не нашли? Почему его доблесть в тот миг не поддержали? Почему бросили его, когда он разгромленного врага преследовать бросился? Или приказа от вашей Найдены не было? – Лица сотников начали наливаться свекольным цветом. Княгиня продолжала:

– А долг дружинника велит, в первую очередь защищать князя, а уж потом остальных девок! Поведайте мне, почему все ваши поиски не дали новин? Почему моего сына и вашего князя искали ваши, а не Ивельские сотни? Почему наши сотни вернулись, а вы там одни остались? Что вы там делали, если князя с вами нет? Ответствуй старшина: – Она кривым перстом указала на Вяхиря. Возникло долгое молчание. Вяхирь, играя желваками и опустив голову, думал. Думал долго. Подбирал слова и выражения: ну не было у него опыта говорить с княгинями! Откашлялся:

– Великая мать Княгиня! Нам совершенно в диковину твои речи. Мы поняли, что ты нас обвиняешь, но вот в чем? В том, что дружина выполнила свой воинский долг? В том, что мы одержали победу над супостатом, и не дали им сгубить княжество? Или в том, что выполняли все приказы нашей воеводы и только благодаря этому мы победили? Или в том, что сделали не все, чтобы отыскать князя?

Ответствую своей честью и на крови: мы сделали все, на что были способны. Не наша вина, что князю не хватило воинской сдержанности. Воинской мудрости! Но у нас нет осуждения! Каждый из нас помнит свой первый бой и ошибки, которые он не мог не совершить по неопытности! Все через это прошли! На ошибках учатся!

А вернулись мы крайними, потому, что до последней минуты, надеялись отыскать князя. И еще три дня дожидались возвращения воеводы с нашими побратимами, которые снесли поиски на другой берег.

Могу заверить: искали мы князя со всем старанием, не жалея своих сил и времени. Многие версты леса и болот наши разведчики и простые воины пропахали на коленях, отыскивая хоть малый след княжеского отряда. Могу тебе с чистым сердцем, великая княгиня, отвечать: наша совесть перед народом княжества чиста. И повторюсь – мы сделали все, что могли! – Княгиня пожевала бескровными губами:

– Складно глаголешь, старшина! Но бездоказательно! Чтобы развеять мои сомнения, ответствуй мне далее. – Княгиня переложила посох в другую руку:

– За моей спиной стоят бояре, сыны которых сложили свои головы в походе. Ответствуй за свою воительницу, которой здесь, почему то нет. Как получилось, что боярское ополчение выбито полностью? Почему твоя девка подставила их на самый опасный участок, под самый сильный удар вражьей конницы? Приказываю, ответствуй мне и безутешным отцам погибших сынов! – Лицо Вяхиря, пошло лиловыми пятнами, но ответил он, сразу, не задумываясь:

– Во первых, Великая Княгиня, мне странно, что ты называешь Великую Воительницу, которую назначил воеводой князь, твой сын, – девкой. Это, для всей княжеской дружины, большое оскорбление!

Во вторых: причина гибели боярского ополчения в том, что их не учила бою, та самая «девка», а по – нашему – Великая Воительница. И боярских сынов никто под удар не ставил! Наоборот, еще на марше, ожидая удара в спину, воевода переставила, зная их слабую боевую выучку, с хвоста колонны, почти в центр! Опасалась за их жизни!

Да и погибель, в большинстве своем, они нашли не в главной сече, а в отряде князя! Когда они, необдуманно, бросились в погоню, за уклонившимся от битвы, отрядом князя Горазда. В рубке, из боярского ополчения, участие приняли всего тридцать девять витязей! Все героически сражались и все полегли, защищая Родную Землю!

– А где же сейчас твоя любимая великая воительница? Почто, она тебя с сотнями с собой не взяла, а лишь десяткой озаботилась?

– А вот на этот вопрос, я тебе, Великая Княгиня, ответ дать не могу. Я его не ведаю! Был нам от неё приказ: ждать их возвращения три дня и три ночи. И если они к этому времени не вернуться – отправляться в стольный город. Они не вернулись! И я, Её приказа, не посмел слушаться!

– Стоящий за спиной старой княгини, Калина, тихо сказал ей на ухо:

– Кольшек у Горазда её больше по вкусу пришелся, чем княжеский! Вот с ним она и уткнула в полочные страны! – Но слух у Вяхиря, который стоял ближе всех к ним, был как у лесного зверя: он все услышал! Рванул меч из ножен и заревел:

– Калина, сучий выблядок! Следи за своим поганым языком! А не то я тебе его обрежу вместе с головой! – В ответ, далеко брызгая слюной, завизжала старая княгиня:

– Гриден! Ты перед кем и на кого, не просясь дозволения, меч обнажил? Перед Великой Княгиней! Непотребство чинить не моги! Я этого никому не прощаю! – Сбавила голос и заговорила, твердо расставляя слова:

– Вон из княжеской дружины! Старшинскую бляху сдай сотнику, что стоит рядом! И чтоб ноги твоей никогда не было в стольном городе! Сгинь с моих очей! – Мгновенно став черен лицом, Вяхирь, трясущимися руками, через голову снял, жесткую ленту со старшинской бляхой и протянул Симаку. Тот взял её двумя пальцами, словно опасался, ненароком опоганиться, и бросил прямо под ноги княгине. – От её визга заложило уши:

– Оба вон! Оба! И своих воров Игречких с собой забирайте! Оружие сдать прямо здесь, на площади! – Слюни уже долетали до обоих сотников. Кича у старухи сползла набок, она топотала сухонькими ногами и силилась достать посохом бывшего старшину. Вяхирь обернулся:

– По коням! – Мгновение – и воины малой дружины речных ворот, были уже в седлах. Вяхирь, вновь развернулся лицом, сведенным судорогой, к старой княгине и толпе бояр. Плюнул ей под ноги, страшно сверкнул очами:

– Не можно верой и правдой служить тому, кто верит таким ублюдкам, предателям и наушникам. – Указал, на стоящего за спиной княгини, Калину.

– Меч поганить об такую тварь мне не пристало! Пусть его боги судят! А ты будь здрава, Великая Княгиня! И не поминай нас лихом. Станет отчизне трудно, мы снова станем в строй, народу нашему служить! Тебе служить – отныне, не станем! А вооружала нас не ты, и не тебе нас разоружать! Оружие нам еще понадобится для защиты родной Игрицы! – Вложил меч в ножны и запрыгнул в седло. Его примеру последовал Симака.

Колона, уже не мокрых воробьев, а угрюмых, но мужественных воинов, по два гридня в ряд, уходила назад. Ко второму, Главному въезду в город, откуда начинался тракт, ведущий к Речным Воротам. Тракт, ведущий к дому. Вслед неслись крики ополоумевшей от ярости старухи:

– Калина, поднимай дружину! Догнать! Разоружить! Всех в колодки! Всех на каменоломню! – Но, кроме Калины, на площади ни одного дружинника не было. Поднимать дружину, было некому. Народ, собравшийся на площади – безмолвствовал.

Дождь кончился и сквозь рваные тучи, впервые за три дня, проглянуло солнце.

2

Малая дружина отъехала от стольного города верст пять, когда ехавшие в хвосте Вяхирь и Симак услышали стук копыт, идущих наметом лошадей. Без особой тревоги обернувшись, увидели пять всадников, несущихся во весь опор за ними. Вяхирь подал команду остановить движение малой дружины. Покинули коней и стали ждать.

Смотрели, ждали. Всадники оказались сотниками княжеской дружины. Демир, Это были Унибор, Дорош, Таран и Волос. Подъехав – спешились. Молча, по очереди, обнялись. За всех заговорил Демир:

– Простите братья, хотя нашей вины в том, что произошло – нет! Совсем выжила из ума, от горя старая княгиня. Да и очень помог ей в этом, змея подколотная – Калина. Он же, когда мы возвращались, вырвался вперед и сразу на доклад к княжеской матушке. Что он ей наплел – то лишь им, да богам известно. Но она, после разговора, даже встречать войско не вышла. Ни с кем глаголать не захотела. Заперлась в тереме и никого, кроме Калины, к себе не допускала. Даже бывшего воеводу Ерофея! А он еще при её муже, князе Благославе, тысяцким был.

Потом указ от неё зачитали. Всей дружине, неотлучно сидеть на подворье, а воеводой назначила старшину Калину. Заместо воительницы. Мы, конечно, возмутились, с каких это пирогов этот упырь, под воеводский стяг пробрался и дружиной править будет? У него – то всего заслуг перед княжеством, что он, тогда еще двадцатипятилетний десятник, пятидесятилетнюю вдовушку княгиню пялил!

Об этом мало кто знает, но мы – то были в курсе, его «непосильных» трудов. Да и сам он об их охах – ахах, пару раз, по пьяни, обмолвился. Приз за его старания – старшинская бляха, которую матушка Княгиня, у сына князя выторговала! Мы, кто знал об их пастельных забавах, княгиню особо не осуждали. Пятьдесят лет – еще не старость, если свербит и печет в одном месте! А вот Калину, мы от наших компаний и посиделок, отвадили и дружбой обделили.

Была у него мечта – надежда, воеводство, после Ерофея принять, да сплыла безвозвратно! Лет пять назад, занедужила его покровительница и не до любовных утех ей стало. Вот и накрылась его мечта медным тазом. А там и Ерофей с князем, воительницу признали, и дружину ей передали.

Совсем было приуныл Калина! Князь ведь тоже к нему охладел. И вдруг, жизнь сделала крутой поворот и дала ему еще один шанс! Вот и решил старшина его использовать на всю катушку, поставив все, что у него есть, на поклеп в сторону воительницы. И добился, как он сейчас считает, стяга дружинного!

Мы, по приезду, быстро все просчитали и раскусили его змеиный замысел. Рано радуется и победу празднует, выблядок ползучий! Какой он воевода, если дружина ему подчиняться отказалась? Да и сам он боится на дружинное подворье ногой ступить! Намедни, прислал молодого боярина с приказом поднимать сотни по тревоге. Так мы этого боярина, выбили взащей за ворота, хотя он и невиноват ни в чем!

Так что простите нас братья! Говорю вам от имени всех гриден, ваших боевых побратимов! Есть предложение: задержитесь в Ивеле на седмицу! Мы готовим совместный сход дружины и жителей стольного города. Расскажем правду о походе всему народу! Потребуем справедливости от старой Княгини и если её не добьемся – все равно не сидеть её на троне княжеском!

На нашей стороне правда, и боги не дадут победить кривде! – Закончив свою речь, Демир перевел дух.

Никто, пока он глаголал, ни разу его не перебил и не задал ни одного вопроса. Некоторое время все хранили молчание, затем отвечивал Вяхирь:

– Мы все понимаем и обиды на вас и на народ стольного города не держим, и держать не смеем! Благодарим вас, и наших побратимов, что не пожалели времени и лошадей! Догнали нас, сказали теплые слова, оказали поддержку нашему духу и отогрели наши сердца! Низкий вам поклон от малой дружины Игрецы! Но, мыслится мне, что наше возвращение в Ивель – будет лишним.

Это мы с вами – боевые братья навек, а в городе, мы хоть и свои, но все же чужие, незнакомые. И наш голос ничего не даст. Я думаю, что вы с неправдой и без нас разберетесь! А мы вернемся к речным воротам и погодя немного, вернемся к поиску нашей Великой Воительницы. И князя, конечно! А ты как мыслишь сотник Симак? – Тот кивнул головой: – Полностью с тобой согласен. Домой нам надо! И как можно скорей – на поиски! – В разговор вступил Унибор:

– Мы ожидали такого ответа от вас. Поэтому просим вас немного задержаться. Через малое время, сюда придут две кибитки, со скромными дарами от всех гриден Ивельской дружины и благодарных жителей стольного города. Куда вам, в дальнюю дорогу, без съестного припаса? Много времени вы не потеряете: кибитки здесь будут с минуты на минуту! А пока позвольте нам, сотникам, попрощаться с нашими братьями, которые вместе с нами, принесли желанную для всего княжества, победу!

И прощание состоялось. Напоследок, перед отъездом назад на свое подворье, Демир выразил общую мысль:

– Давайте держать друг – друга в курсе всех новин, которые у нас происходят. Мы – о событиях в Ивеле, вы – о том, что случилось в Игреце, особенно об успехах поиска. Голуби ведь и у нас и у вас есть! И летать они не разучились!

Думается, что и мы к поиску тоже подключимся, когда решим возникшие проблемы. На том и расстались. Кибитки с провиантом уже стояли в хвосте колонны.

Новые управители Стольного города и всего княжества, не удосужились сообщить результаты похода своим подданным, проживающим на Речных Воротах. Весть о возвращении с победой малой дружины, мгновенно всколыхнула Игрецу. Ликующий народ, забросив все дела, устремился на главную площадь. Известие, что из похода не вернулись князь и Великая Воительница – резко умерила восторг, заменив его угрюмым молчанием.

Посадник Икутар, узнав о произошедшем, окаменел лицом, и показалось, что он уменьшился в росте. Домна, почувствовала себя очень плохо и слегла в постель. Возле неё, безотлучно, находилась жена Вяхиря – Агата и две пожилых соседки.

Михей, вечером, в одиночку, напился в хлам, заперся в своих хоромах, скрипел зубами и порывался немедленно отправиться на поиски, Найдены. Но ноги совсем не держали тело, и ему пришлось от этого порыва отказаться, забывшись тяжелым, пьяным сном, прямо за столом в горнице.

Не отставала от него и дружина, которой Вяхирь, на сегодня, предоставил полную свободу. Заливали горечь утраты и победы медами и пивом, а некоторые – и ерофеичем.

Икутар, Вяхирь, Симак и Слуд, сидели в беседке подворья посадника и предавались невеселым думам. На столе стоял приличный бочонок меда с немудреной закуской. Сотники, дополняя друг – друга, только что, закончили общий рассказ о подробностях похода. Повисло тяжелое молчание. Каждый переваривал услышанное. Причем, Вяхирь и Симак, оценивали произошедшее, как – бы заново, со стороны.

Икутар, поднял налитую тоской и болью голову. Очи утратили свою ясность и были покрыты красными прожилками. Скулы и нос заострились и делали его старцем:

– Ну и что будем делать? Жить в неведении и ждать, когда нам новости сорока на хвосте принесет? Так мы способностями деда Челака не обладаем, белобока перед нами не откроется. Слов таких не знаем, чтобы её разговорить! —Откликнулся Вяхирь:

– Мы с Симаком об это думали. Ждать сорочьих вестей, конечно, не будем! Решили так: его сотня и он сам, отдохнут пару дней и потом уйдут за реку. Отдадим ему всех следопытов – разведчиков, еще может из наших охотников кто сподобится присоединиться. Соберем всех лучших – и на поиски!

Пошлем гонцов, с миром, к хану Турану. Может быть степняки, что слышали. Может быть, они наведут на след. У них связь со всеми степными родами, здорово налажена!

Отряд переправим прямо здесь, от пристани. До того места, где воительница ушла на тот берег, отсюда —примерно сто двадцать верст. Сотню из них они пройдут наметом, а оставшиеся – начнут чесать частым гребнем. Носом будут копать землю, но что – ни будь найдут! Таков наш замысел. – Вскинулся Икутар:

– Я пойду вместе с Симаком! Обузой не буду, даже может, в чем пригожусь! – Он не суетился, он – паниковал! Степенно заговорил Слуд:

– А на кого ты, посадник, наши рода оставишь? Кто будет править на речных воротах, властью князя тебе даденной? Меня оставишь? А может быть – Михея? Или Домну запрежешь? Так она пока хвора!

Без тебя гридни справятся! Нам здесь пристало честь княжескую отстаивать, его интересы блюсти! – Икутар снова поник головой. Здравый смысл возобладал, но нутро противилось. Хотелось скакать, рубить, колоть, искать! Да просто, что – то делать! – Вяхирь продолжил:

– Завтра начнем подбирать людей, кто пойдет на тот берег. Посадник, старшина, помогите нам разобраться с лошадьми, провиантом и боевым припасом. Все – таки мы, в этом походе, поиздержались! Пока большего от вас не требуется! – Опять замолчали. Симак протянул, задумчиво:

– Чую я нутром, что за Калиной след измены тянется. Слух по дружине, в походе плыл, что неспроста обоз с нашими припасами задержался. И что с днями высадки, на наши земли полночного войска, какая – то муть. Знаю, что Найдена, с десятником Женолюбом, дела старшины Калины обсуждала, но сути никто не ведает. Женолюб ушел вместе с воительницей и теперь не дознаться. – Вяхирь отмахнулся:

– Не самое сейчас для нас, предательство старшины, главное. Найти Найдену надо, тогда все и прояснится! Давайте допивать – и на боковую! Как говорит Михей – утро, мудрее вечера. – Задвигались кружки, забулькал мед.

Больше, в разговоре, к походу не возвращались. Неизвестность тяжким грузом давила на плечи. В окне светелки Домны, продолжала гореть лучина. Тоска!

Убирать со стола, после ухода товарищей, Икутар не стал. Унес бочонок в пристройку и на этом утомился. Долго сидел на скамейке у крыльца, дышал воздухом, который намекал на дождь. И думал. Об Ольге, князе, Домне. Тоска, тоска....

Перед сном, на всякий случай, протер золой кольчугу и поменял тетиву на луке. А вдруг?
...

3

То – что слово «аквапарк» связано с праздником и водой, Ольга знала точно! Но откуда это она знала – она не знала. А вот еще непонятное слово: «мультик». От него сразу хотелось хлопать в ладоши и смеяться. Или вот – «йогурт». От него во рту собиралась слюна, и хотелось облизать губы. Как это делал Лука, когда слизывал сметану с пораненных ступней.

И таких слов в голове имелось великое множество, но они ничего не объясняли. Доже знакомое слово «паутина», теперь принимало двойное значение. Рядом с пауком, прорезалось, неведомое доселе слово – «интернет».

Да, камень из пращи, сделал свое черное дело! Задал столько загадок, что в голове образовалась полная каша, сейчас совершенно ей ненужная.

Усилим воли Ольга отогнала дурные мысли. Не про «йогурт» думать надо! И без него в чреве урчит, как в потревоженной трясине. Есть хотелось, как после поста, перед проводами зимы.

– Если быть честной перед собой – положение аховое! Незнакомая местность, гибель Её десятки, отсутствие оружия и Бутона, шишак на затылке и голод!

Где она находится, как далеко её река унесла от места переправы, в какую сторону идти – спросить не у кого.

Хорошо, что прострелы в голове прекратились. Осталась тупая, глубинная боль, но с ней можно было мириться и не обращать на неё особого внимания. Плохо, что периодически, накатывались приступы тошноты, тем более мучительные оттого, что желудок был пуст. Одежда, аккуратно разосланная на песке, полностью высохла.

Комаров, стоящий в зените Ярила разогнал, так – что тело от них, почти не пострадало. Зашла по грудь в прохладную воду, вымыла волосы и смыла налипший песок. Теперь можно и одеться!

Показалось, что где то далеко – далеко заржала лошадь. Несколько минут сидела тихо, вертя головой и прислушиваясь. Но кроме крика чаек и шелеста камыша, других звуков в природе не было. Значит, действительно показалось. Слух выдает желаемое, за действительное. Откуда, в такой глуши, здесь появится лошадь? Мысли опять вернулись к Бутону: как он там? Она хоть стрелы из лопатки вырвала, но раны остались открытыми и кровоточащими.

Пересохшая одежда хрустела и царапала тело. С эти тоже придется смириться. Другой нет! Сейчас, главная задача – разобраться, где она находится. Пока понятно одно: она на левом берегу Ратыни. Значит на своем.

Далеко стремнина, унести её от места боя, не могла. От силы – две или три версты. Получается, что если идти вверх по течению реки, то до земель Армяков – верст восемьдесят – девяносто. А там до Игрицы – рукой подать! Но добираться до них можно будет, если только больше половины пути, двигаться вдоль русла Ратыни, по кромке воды. Лес и болота подступают близко, почти вплотную к берегу. Потом, конечно, они отдалятся, уступив место крутым косогорам, но до них еще попробуй, дойди! Ни одного поселения, ни одного жилья! Уверенности, что она доберется, было немного. Болота есть болота! Да и её нынешнее снаряжение, не способствует успеху.

Второй выход – стольный город. По реке, до самого города нельзя, она уходит на заход к Прилепским озерам, а затем, в студеное море. Можно сплавиться по Игреце, срубив плот, верст на двести в сторону Ивеля, а потом еще полторы сотни – по незнакомому пути. Вопрос: чем рубить плот? Как пройти пешком полторы сотни верст, не зная дороги? А в стольный город – очень надо! Там Вяхирь и Симак. Там матушка Романа. Там дружина, с которой можно возобновить поиски!

Да, остается только тракт! Когда – то князь объяснял и рисовал его и реку. Она хорошо запомнила, что тракт не отдаляется от неё, до поворота на заход, более чем на десять верст, почти полностью повторяя все её изгибы. Только бы выбраться на него, а там все просто. Купеческие обозы по нему ходят постоянно!

Все! Решение созрело и принято. Возле реки ей больше делать нечего!

Сразу за прибрежным раkitником, была узкая полоса сухой земли. Далее, в саженях десяти, начиналась полоса болотной травы. За ней – темная вода и редкие островки – кочки. Весенние разливы Ратыни, надежно защищали русло топкими глубинами. Не пройти!

Ольга, некоторое время стояла перед выбором: идти влево? Или вправо? Слева, в полуверсте, намечался хвойный подлесок, и она пошла влево. Где деревья – там твердая земля!

И тут повалило! Не просто повалило, а ПОВАЛИЛО! Ржание Бутона, она узнал бы, даже будучи без сознания. Но первым, из хилой растительности, вывалился Лука. В сажени за ним, приседающий на левую ногу – Бутон.

Рыданий воительница сдержать не смогла. Да и не пыталась! Стояла, обняв сразу обоих, и плечи ходили ходуном. Такого подарка у богов, она даже в мыслях просить не смела!

Взаимный восторг и неумная радость схлынули не скоро. Но, всему хорошему, рано или поздно приходит конец. Когда запас слез иссяк, обратила внимание, что у Луки отсутствует левое ухо. Вместо него розовел подковообразный шрам. Раны у Бутона тоже затянулись. Судя по их виду, можно было предположить, что и конь и Лука побывали в переделках, примерно в одно и тоже время. Выходило, что между знакомством с пращей и возвращением её к жизни, прошло не менее трех – четырех суток!

В налучии, возлеса, она обнаружила свой лук и колчан заполненный стрелами. Верный Бутон ничего не утерял! На душе стало много спокойней. Лук и стрелы, в умелых руках – серьезное оружие.

В переметной суме обнаружился приличный кус вяленого мяса, сверху подпорченный водой, которая туда попала во время заплывов Бутона через реку. Это еще больше подняла настроение, несмотря на отсутствие хлеба. Жизнь начала приобретать цветные краски!

Наскоро перекусив (Лука отказался: видимо был не голоден), тронулись в путь. И еще до заката, хотя им пришлось по широкой дуге огибать болото, вышли к тракту. Волк, вывел их к нему, по самой короткой дороге. В какую сторону ехать – вопросов не возникало. Местность была уже езженной и знакомой, а Бутон был полон сил.

Начинало смеркаться, когда вдали, благодаря своему ночному зрению, Ольга различила очертания придорожного постоялого двора. Хотя, по пути сюда, дружина возле него не останавливалась, воительница хорошо помнила его высокие строения и широкое подворье. Если забыть о том, что у неё нет денег, то вопрос с ночлегом был решен!

Лука потрусил в небольшую рощицу, что была в саженях пятидесяти от постоялого двора, а Ольга направила Бутона к запертым на ночь воротам. На стук вышел, по виду, сам хозяин. Ростом он был на полторы головы выше воительницы и шире – в три раза. Огромное чрево не мог скрыть даже кожаный фартук, достающий почти до пят. За его спиной маячили две фигуры молодцев не меньшего роста, но более скромных по ширине. Повидимому – сыновья. У одного в руках зажат топорик на длинном топорнице, у другого – боевая палица, вырезанная из цельного дуба. У хозяина, что – то топорщилось под фартуком. И это было правильно! В такой глуши – по другому, нельзя!

Открывать калитку, а тем более ворота, явно не спешили. Долго и внимательно рассматривали сквозь щели, припозднившегося, одиночного путника:

– Открывайте, люди добрые! На ночлег пустите? Мне даже еды не надо. Только бы голову притулить до утра! – За забором послышался удивленный голос хозяина:

– Баба что – ли? И одна, в такую пору! – Ответил кто – то из сыновей:

– Не а, не баба. Девка! А то, что одна – это точно. Я уже огляделся. Никого вокруг нет! – Опять голос старшего:

– Бывают же чудеса на свете. Девка! Ночью! И одна на тракте! Видать не робкого десятка птичка. Да и одета она в воинский доспех. Вон под рубахой легкая кольчужка поблескивает и лук к коню прилажен! Мовет от нашей дружины отстала, что три дня назад мимо нас проходила? – Ольга во весь голос рассмеялась:

– Ну, ты, дядя и глазастый! Все углядел! И догадливый, что аж диву даешься. Все верно подметил: и лук, и кольчугу и то, что я от княжеской дружины отстала! Одного не просек. У меня в карманах, ни одной монеты не завалилось! На ночлег прошусь – в долг. Обещаю, при случае, отплатить сторицей! За мной не заржавеет!

– Да это не беда, что денег нету! В жизни всякое случается. Расплатишься естественном с моими сынами. Я до этой кислицы, особо не охоч. За свой век наелся досыта. Аж оскомину на зубы словил!

– А за такие слова, дядя, я тебя вылечу от оскомины. Забудешь о ней напрочь! Как и о том, что у тебя, когда то были зубы. И не только у тебя! У твоих сынов, тоже навсегда пропадет желание лизнуть сладкуюкислицу! Потому, что я им яйца выкорчую, как лебеду на грядке! – Вместо возражений, загремели засовы. Ворота распахнулись. Один из сыновей запалил факел. В ответах его, Ольга вместе с Бутоном, шагнула на подворье.

Хозяин имел широкую, и почти до пуза, дремучую бороду. Заплывшей жиром шуйцей, опасаясь за сохранность зубов, он прикрывал ротовое отверстие. Значит, угрозе поверил! Десницу держал под фартуком. Разглядев Бутона – низко поклонился:

– Прости, ночная гостья. Глаголал я шутейно и не со зла. Тебя пытал. Кто такая, почему по тракту в ночную пору без охраны, да еще и в одиночку, шастаешь? Сама понимать должна: времена настали тревожные. Купеческие обозы стали редкостью. Случайные заезжие, всякое болтают. Кому внимать, а кого на х.. посылать – не разберешь! Вот и приходится изворачиваться, пытая гостей!

Вон сегодня, на постой, целых десятьпостояльцев наведались! Казалось – бы, радоваться надо, ан нет! Душа, от их присутствия, кровью обливается. Толи зарежут, толь красного петуха пустят.

Коней, не ухотив и не покормив, сразу на брагу и ерофеича набросились. И перечить им не могли. Мечами и пиками обвешаны. Целый день пьют, едят и блюют! А слово поперек не вымолвишь. Нас вместе с хозяйкой – пятеро, а их целая ватага. – Толстяк, в сердцах, плюнул в сторону:

– Ходим, аки цепные псы возле кухни, к шумам прислушиваемся. В трапезной они нам появляться запретили. Мать, с младшим, у них в прислугах, а мы – в прислухах. Каждый миг ждем непотребства с их стороны. – Он снова плюнул:

– Мы, конечно, вмешаемся, если что, но побьют они нас. Против десятерых – мы не сдюжим. – Свет факела выхватывал залитые смертной тоской очи. Голос прерывался частой икотой.

– Есть у меня горенка на втором ярусе, для тебя – самый раз. И чисто, и без клопов – тараканов. И покормить тебя готов, чай все мы люди одной земли. Но как провести тебя незаметно в эту светелку – не ведаю. Ход на лестницу один, и ведет через трапезную. А там эти варнаки! Ни в жисть молодую деву не пропустят, охальники! – Ольга внимательно посмотрела на хозяина:

– Ты хозяйку и младшенького можешь упредить, чтоб трапезную покинули, не привлекая внимания гостей? – Толстяк за ответом не задержался:

– Могу! Есть вход отдельный для кухни. Сам схожу, и что ты скажешь, сделаю! – Было понятно, что он верил ночной гостье. Или хотел верить. Ольга ткнула хозяина в живот:

– А там ты что прячешь? – Тот приподнял фартук. За широким поясом торчал угрожающих размеров нож.

– Нет, это мне не подойдет. Ладно, как –нибудь и без вашего арсенала справлюсь. Иди, оповещай своих! – Из —за дверей пристанища гуляк, доносилось подобие бравой песни.

Когда Ольга с хозяином по широким ступеням спустились в трапезную, пир гудел коромыслом. Один, уронив голову на столешницу, сладко храпел. Двое танцевали диковинный танец, на засыпанном облеванными опилками, пяточке перед стойкой. Остальные пели, отбивая такт кружками. Как ни странно, пьяными гуляки не выглядели. Узрев вошедших – песня умолкла. Только танцоры продолжали пахать опилки сапогами.

Хозяин, как его предупредила Ольга, отдал ей зажженную лучину, а сам вернулся на свежий воздух. Воительница, подняв её над головой, степенно начала подниматься на второй ярус. Внизу, кто – то громко испортил воздух. Кто —то в восхищении крикнул:

– Вот это жиличка, вот это нам подарок! Чур я первый, примажусь в гостеприимстве! Отпихнув скамейку, одетый в кожу здоровяк, твердыми шагами направился к лестнице. За ним, вкусно отрывивая, поднялись еще двое громил. На втором ярусе хлопнула дверь. «Жиличка» влетела в клетку. И участь её была решена!

Первым, по узким ступеням лестницы, считая каждую ступеньку подбородком, в трапезную выкатился здоровяк в коже. Уткнулся носом в опилки и занялся окрашиванием их в красный цвет.

С треском проломав перила, спиной на стол, приземлился один из громил, сопровождавший «кожаного». Высота была приличной, поэтому глиняные кувшины с кружками, превратились в мелкие черепки. Спина у него была широкой, а вес достаточный, но дубовый стол напор выдержал.

Последний из любителей «примазаться в гостеприимстве», тонким голосом выль где – то на втором ярусе. Была уверенность, что любовные приключения, он отложит на долгие годы, если не навсегда. Он, конечно, осуждал сейчас себя за похотливые устремления, но было поздно: мужиком он уже быть перестал. Ольга, каблуком, в грязь, превратила его мужское достоинство.

Толкаясь и матерясь, в гости к незнакомке, на второй ярус устремились, возмущенные таким «гостеприимством», следующие шесть человек. Но уже не за бесплатными утехами, а за примерным наказанием строптивицы. Это же надо, пожалела своей ласки, для таких, голодных до девичьего тела, постояльцев! С неё что, от этого – убудет?

Затуманенный медами и ерофеичем мозг, плохо воспринимал обстоятельства «возвращения» любителей кислицы, как говорил хозяин постоялого двора. Во всяком случае, они осторожности не проявляли. И вскорости, горько пожалели о своей доверчивости.

Со стороны Ольгиной комнаты послышался шум, крики и смачные шлепки по телу. По лестнице, кубарем, несколько раз перевернувшись через голову, скатился первый искатель справедливости. Еще двое, перелетев через перила, с двухсаженной высоты приземлились в опилки. Опять грохот на лестнице и еще двое, сплетясь в невообразимый узел, покатались вниз. До пола в трапезной, не добрались. Застряли, почти в конце пути. Последний, выломав звено ограждения перил второго яруса, попытался на нем, сподобиться парящему орлу. Не удалось. Приземлился вперед спиной, подняв столб пыли и укрывшись деревянными обломками. Попыток подняться с пола, никто из девятих веселых постояльцев, не предпринимал.

Десятый – доказывал, что пагубное пристрастие к ерофеичу, не всегда пагубно. Он, без вреда для своего здоровья, спокойно продолжал спать, уткнувшись лицом в миску с солеными

огурцами. Появившимся хозяину и хозяйке с сыновьями, стоя вверху лестницы, воительница будничным голосом посоветовала:

– Оружие у них заберите и ко мне в комнату. Завтра, поутру, рассмотрим и разделим. (По существующим законам, все оружие побежденных, является законной добычей победителя).

Этих крепенько связать – и в чулан! До утра – оклемаются. Пьяного отнесите на свежий воздух. Пока не встану, дежурите у чулана по – очереди. – Зевнула, прикрыв дланью рот, развернулась и ушла спать. Дверь в свою горенку – запирасть не стала.

4

– Четыре дня тому почти будет. Где – то ближе к обеду. Младший первый заметил, и мы на подворье все вышли. Думалось, что останются у нас или хотя бы перекусить заедут. Но нет! Прошли мимо. Малой считал, и у него вышло, что было их, без малого – две сотни. Кони шли быстрым шагом, и было заметно, что они спешат в стольный город. – Тучный хозяин, ведал историю прохождения мимо них, запоздавших, крайних воинов княжеской дружины. Ольга отметила в голове: Вяхирь и Симак. Демир увел свою сотню на сутки раньше.

Они, вдвоем с толстяком, которого звали Круп, сидели в трапезной. Она, мелкими глотками пила горячее молоко из большой кружки. Он – пиво. Совсем недавно – разобрались с лихими постояльцами, которые, на самом деле, к утру оклемались.

От опроса не увиливали. Родом – из Болотных Цапель и все одного корня. Налегке возвращались с торгов из Ивеля. Прослышали от встречных обозников и дружинников, что за Сухой речкой беспокойно. Вот и решили время потянуть в придорожных постоялых дворах. Этот был у них – четвертый.

Торговали в стольном городе удачно. Возвращались с хорошей прибылью. В первых двух трактирах, за постой и еду, платили справно. В третьем – двое суток пили беспросыпно. Перед отъездом, с похмелья, намяли бока хозяину и ничего не заплатили. Такая экономия, пришлось всем по душе.

Здесь, решили остановиться, дня на три. Платить вроде бы собирались. А может и нет. Только веселье начало разгораться – тут эта девка – дура объявилась! Какая умная решиться в одиночку, да еще ночью, ездить по тракту? Ну и решили поучить неразумную: попользоваться ею всем скопом!

Но тут вышел облом. Девка эта, оказалась искусной воительницей! Слава богам, что только одного искалечила! – Ольга вышла на свежий воздух. Дышать их перегаром, уже не было сил. Свистнула, и через мгновение, что – то шептала на ухо подбежавшему Луке. Вернулась.

В клетки, за время её отсутствия ничего не изменилось. Пленники, с опаской и тоской поглядывали на победительницу. Тосковать им было о чем. Кошели их заметно похудели. Ольга забрала почти всю их выручку за успешные торги. Часть отдала Круп, за устроенный купцами пир и разор. Часть – обещала вернуть, обиженному ими хозяину, которому они не заплатили.

Из оружия, она обзавелась двумя мечами в дорогих ножнах, которые тщательно выбрала из всех трофейных. Подумав, один меч отдала гостеприимному хозяину. За причиненную ему, пьяницами, душевную обиду.

Развязанные пленники, быстро заседлав лошадей, выгнали кибитки на тракт и были таковы. В отдалении от обоза, их бдительно сопровождал Лука.

Вдруг, в их похмельные головы взбретет мысль, вернуться и поквитаться с хозяевами постоялого двора. А как сделать, чтобы такая мысль их не посетила – Ольга ему подсказала.

Через три часа, когда Ольга уже собиралась покинуть ночное пристанище, Лука вернулся. По его улыбке, можно было понять, что незадачливые купцы, навсегда забыли дорогу по тракту. Причем, в обе стороны.

Постоялые дворы на трактах, буквально на всех, ставили таким образом, чтобы соответствовать дневному пути купеческого обоза. Переночевали на одном, день неспешного пути – вот он следующий, готовый их накормить и обогреть.

Ольга была без обоза, под ней был Буто, поэтому выехав от Крупа почти в полдень, к ночи добралась до следующего. Ворота были закрыты намертво. Попытки достучаться, долгое время были безрезультатными. Наконец на подворье появилась пожилая женщина.

Не говоря ни слова, молча открыла ворота. Подслеповато шурясь, оглядела гостью. Взор задержался на мече, пристегнутому к широкому, кожаному поясу:

– Заезжай! Место для ночлега есть. Хозяин неожиданно захворал, но голодной спать не ляжешь. Есть сегодняшней заяц и вчерашняя тушеная капуста. Есть немного меда. Других разносолов, не обещаю. Но это только для тебя. Ватагу твою – не прокормлю. За постой – платить не надо. – Голос был тусклым, усталым. Казалось, что она готова к любым пакостям, которые могут произойти в жизни.

Под присмотром женщины, завела Бутона в пустую конюшню. Откуда – то появился отрок лет десяти, с полным ведром овса и щеткой для лошади. Внук, наверное.

Ольга сама расседлала коня и засыпала овес. Парнишка уже работал щеткой. Сняла лук с колчаном и вышла на подворье:

– Хозяйкой будете? Как звать – величать вас? – Женщина ждала её, стоя в тени стожка с сеном:– Раньше Стояной кликали, а сейчас просто бабкой зовут. А для хозяйки – стара я! Сын мой здесь правит, да вот, неожиданно, занемог! Приходится мне, заместо него, за хозяйством присматривать! Внучок и внучка помогают. Молодая хозяйка, зиму назад, на небеса переселилась, вот мы втроем и перебиваемся, пока их папка болеет! – Видно было, что ей охота поговорить:

– А что, сильно его побили? – Старуху, как кнутом ожгли. Даже в сумерках было заметно, как засверкали её очи:

– Сомнения загрызли, что до смерти его не довели? Это понятно! А вдруг он кому пожалуется на разбой и непотребство? И тебя, довести дело до конца, прислали? Вон, даже меч свой, тебе вожак для этого навесил! Руби, чего уж там! Только не его одного, а всех! Я малых, в одиночку, не подниму! – Смахнула плат с головы. Простоволосая, с редкими седыми волосами, упала перед Ольгой на колени и протянула к ней сухие, старческие руки. Воительница на миг опешила, а затем кинулась к ней и подняла, почти невесомое тело, с колен:

– Ты что, баба Стояна! Окстись! Ты что, во мне душегуба узрела? – Обняла за трясущиеся худенькие плечи, прижала к груди. Старая женщина забилась в сухих рыданиях. Из – за стожка, с вилами в руках, вышел давешний отрок. За его спиной, со сковородой в деснице, испуганно пряталась девчушка лет семи, в длинной, до пят рубахе. Деревянные вилы, против меча, конечно не оружие, но малого защитника это не смущало. Да и закопченная сковорода, в руке отроковицы, не дрожала.

Успокоить плачущую старушку, оказалось делом сложным. Ольга обращалась к ней на «ты», как когда то к бабе Домне. Говорила ей тихим голосом, убеждала в отсутствии черных помыслов.

Наконец, дрожание плеч пошло на убыль, а там и вовсе успокоилось, но она продолжала шептать ей на ухо:

– А меч вожака, который ты признала, достался мне в честном кулачном бою. Побила я всю ватагу и оружие отобрала. Этот меч, больше всех мне приглянулся. Свой то, я в бою потеряла, когда без памяти валялась. – Баба Стояна отстранилась и с недоверием глянула ей в лицо:

– Пошто лгешь старому человеку? Как такое может быть, что девка, одна, десятерых бугаев одолела? В такое поверить – не можно!

– А ты поверь! На свете – всякое случается! Учили меня бою рукопашному, хорошие учителя, а я ученицей была прилежной. Вот в жизни их наука и пригодилась! Ты вот лучше сведи меня к своему сыну. Посмотрю я на его раны. В лекарстве, я немного разумею. Может чем и помогу!

– Да никто ему уже помочь не сможет. Не жилец он. Огневка его доедает. Дня два – три ему осталось жить на этом свете. А может и меньше. В сознание не приходит вторые сутки.

Когда он у пьяной ватаги оплату спросил – они его, всем скопом, бить взялись. Все нутро отбили и ногу, повыше колени, сломали. А с виду – не узишь. Нога, как нога.

Я, в это время, с внуками по грибы ходила. Пришли, а ватага с кибитками, уже на тракт выехала, от подворья на пол – версты. Он поначалу, был без памяти, а когда пришел в себя – все поведаль. И как они платить отказывались, и как по подворью, ногами, катали его вдесятером!

Обглядела я сыночка всего. Голова в крови, на чреве живого места нету, зубы по крыльцу рассыпаны. Поначалу подумалось – ничего страшного. Отлежится две – три луны и на ноги встанет! Ан нет! К ночи нога почернела, и жар у него начался. Видно кость под мясом разошлась и кровь пустила. Я к ней дощечки туго подвязала, да поздно было. Огневка, уже гнездо себе в ноге уготовила. Скоро простимся с ним.

И мне, чую, скоро за облака отправляться. Сирот жалко, пропадут ведь! – Из её горла вырвался булькающий звук. В голос заплакала отроковица. Внук – крепился. У Ольги, от злости, сжались кулаки, ногти впились в ладони.

Встретилась бы она сейчас с купцами! Никого не пощадила! Как она обмишурилась! Посчитала ватагу обыкновенными пьяницами, а это были звери в человеческом обличье!

Сына бабы Стояны, она все – таки осмотрела. Он был без сознания. Жар больного тела, чувствовался в шаге от лежанки и окрашивал лицо горемыки в бронзовый цвет. Правая нога вдвое толще левой. Черная кожа на ней, натянута, как надутый, свиной мочевой пузырь, которым так любят играть дети. И нестерпимый запах гнилой плоти, который, казалось, проникал через кожу. Точно. Не жилец.

Стояна была права: не более двух дней осталось ему радоваться белому свету.

Горницу Ольге отвели в пристройке возле поварни. Застеленный медвежьей шкурой топчан и занавеска от комаров над маленьким окошечком. Вместо стола – широкая скамья. Толстые, домотканые половички, на обмазанном глиной полу. Чисто и даже уютно. От еды она отказалась. Опять подташнивало. Шишак на затылке, напоминал о том, что праща, в умелых руках – страшное оружие. Съела кислое яблоко и легла на топчан. Не раздеваясь. Сон сморил мгновенно.

Утром, решение созрело полностью. В правильности его – воительница, ни на миг не сомневалась. На подворье встретила бабу Стояну, с красными от недосыпа глазами. Она всю ночь просидела у постели сына, подтверждая свое имя (Стояна – стойкая).

Проговорив приветствие, Ольга сразу перешла к делу:

– После погребения сына, отсюда – ни ногой! Собирайте все необходимое и вам нужное, для переезда и жизни на новом месте. Ждите! К вам приедут четыре крытых повозки. Грузитесь, и вас отвезут на земли моего рода: Береговых Ласточек. Это очень далеко. Больше семисот верст отсюда. Но, думаю, что за пол луны, доберетесь, а может быть и быстрее. Там у меня семья. Баба и отец. Городище, в котором они проживают – зовется Игреца, а место где оно стоит – Речные Ворота.

Хоромы у нас просторные, всем места хватит! Хозяйка, баба Домна, немногим тебя моложе будет. Общий язык с ней и отцом, быстро найдете. Отец – княжеский посадник. Человек в городище не последний.

Ну а я буду лично рада, что у меня появятся младшие брат и сестра. Семен и Настя. От себя и моих родственников, даю тебе, баба Стояна, слово: мы их никогда не обидим и сделаем все, чтобы крепко поставить на ноги.

Старая женщина, второй раз, со вчерашнего вечера, опустила на колени.

5

Нынешнее утро на подворье Ивельской дружины, ничем не отличалось от ему подобных. Но это только казалось, на первый взгляд. Напряжение и тревога, так и витали в воздухе. Поспешное перемещение и напряженные лица воинов, говорили сами за себя. То здесь, то там возникали немногочисленные группки дружинников, снаряженных по— боевому. Они, перебросившись несколькими словами, рассыпались, чтобы объявиться в другом месте и в другом составе.

На конюшне, тревожно ржали лошади, как бы чувствуя настроение своих хозяев. Время от времени в ворота въезжали и выезжали посыльные в город и из города. Иногда, на подворье, заворачивали люди в мирской одежде, как в простой, так и в богатой. Торопясь, забегали в жилое помещение тысяцкого, и через малое время, покидали его. Привычной была только суета десятников.

В воеводском помещении, с окном, выходящим на площадь, временами было тесно от наплыва сотников, временами — пусто. Дубовый стол, за которым, в былые времена сжиwali Ерофей, а после него — Ольга, третий день был вотчиной Демира. Теперь уже не сотника — старшины. Так на общем построении решила вся дружина. Тем более, что Ерофей, к которому, по первости, были посланы ходоки — серьезно занемог. Опухли колени, и ходил он, опираясь на дубовую клюку. Воевода, сейчас, он был никакой!

Докладывал сотник Волос:

— В ночь, выслал две десятки по обоим трактам. Пройдут с дозором два десятка верст и возвратятся назад. Есть опасения, что пока мы ходили в поход, любители легкой наживы, начали собираться в ватаги. Эти опасения, кое — где подтверждаются.

Мыслится мне, что дозоры надо посылать на большее удаление. Под носом, варнаки, могут и не безобразничать, а в отдалении, могут чинить разор. Воронье, всегда чувствует мертвечину и пир без опаски. Пока его не пугнешь, они будут клевать очи и каркать безнаказанно. — Демир потер переносицу:

— Согласен с тобой полностью. Не только на трактах ждем непотребства. В городе начали появляться лихие люди! Вчера, ночью, семью золотых дел мастера, Прокопия, начисто вырезали. Даже детей не пощадили! Лавку разграбили полностью!

А возле пристани, пришлось дополнительные караулы ставить. Купцы стараются, после заката, на улицах не появляться.

Ты знаешь, брат, не знаю, за что хвататься! И там тонко и здесь — тонко. Поэтому и рвется во всех местах. Понимаю, что не для моего ума овчинка, а что делать? Я ведь сотник дружины, а не городской голова. Его это дело! А он, сука, из города съехал. У него, по его словам, матушка, которая живет за двести верст, занедужила! А люди судачат, что она еще прошлой зимой представилась!

Эта крыса ждет, чемсход дружины и горожан кончится! Думаю, что после него, он на другой день объявится!

И мировой судья куда — то запропал, вместе со своим помощником. Челядь глаголет, что на охоту с деверем подался в Рудные леса. Самое время выбрал, лосей гонять! А тяжбу купцов с пристанью кто будет рядить?

Понимаешь, брат, вторую ночь не сплю! Думы одолевают, боюсь головой подвинуться! Как правильно, в это смутное время поступить — никто не подскажет! А эта гадюка Княгиня, вместе с Калиной, закрылась в хоромы и никого видеть не хотят. И еще лазутчиков к нам засылают!

Скорее бы сход! Может после него что – ни будь прояснится! До него еще целых три часа, а я уже, как сопливый отрок перед первым сеновалом, места себе не нахожу.– Демир потряс кудлатой головой и ударил по столешнице дланью:

– Простите мне боги, мою хулу в сторону Великой Княгини! Это же надо, мать пресветлого князя Романа, гадюкой обозвал! Но с другой стороны, как мне её величать, после того, что она со своим ёб... ем натворила? наших боевых побратимов, разоружить хотела! Воительницу грязными словами порочила! С нами говорить отказалась, ради прошлых, пастельных заслуг, ничем не приметного десятника. И это после того, что победой над врагом, мы, в большей мере, Найдене и Игрицкой дружине обязаны!

Все понимаю: она мать, и весть о том, что её сын и наш князь сгинул бесследно – затмила ей разум и затворила очи. Но ты ведь не просто мать, а еще и Великая Княгиня! И детей у тебя, кроме Романа, – целое княжество! Поэтому не моги разор своей вотчине чинить! Разберись, кто славы, а кто позора достоин! Как правительнице и полагается! Не время сейчас упадку предаваться и наушнику, который только о своем чреве заботится, внимать! – Демир, снова хлопнул дланью о столешницу. Сотник Волос запустил персты в свою дремучую бороду:

– Демир, а что мы будем делать после схода? Есть у нас какая задумка? Кто Ивелем, и всем княжеством править будет? Кто бляху воеводы наденет, кто его стяг поднимет? – Демир засопел так, что крылья носа, стали напоминать мехи кузнечного горна:

– Брат Волос! Не трави душу! Не ведаю я ответов на твои вопросы. Вся надежда, на то, что бояре да купцы нас умнее, и путь – дорогу подкажут! Одно знаю точно: мне стяг воеводы – не под силу поднять! И других дружинников под ним не зрю. Призвать Ерофея, по старой памяти?

Он сам согласия не даст! Помимо коленей, его стали донимать старые, боевые раны, особенно под осень. Сотники хорошие – есть! Воеводы – нет!

Вот с княжеством, мыслю, все будет проще. Ведь для чего сход устраиваем? Чтобы очи Великой Княгини, на непотребство Калины открыть! Сам посуди: князь Роман собирался свое войско увеличить до пяти – шести тысяч. И все понимали, что это не лишнее. Слишком много развелось вокруг нас желающих, пошире раскрыть роток на наши земли!

А её первый указ – малую дружину речных ворот, распустить! И вместо нее отправить туда четыре сотни от нашего войска.

Кто же будет стольный город оборонять? Кто от врага пристань беречь будет? Нас здесь, меньше тысячи останется!

Какими силами к нам в гости полночные князья пришли? Слава богам и воительнице, на этот раз отбились! Но они, что, последние, кто за наш счет, поживиться хочет? Поэтому, я указ Великой Княгини, исполнять не спешу.

Любому простому гридню ясно, что надо, немедля, в дружину людей набирать и обучать. Один вопрос – успеем или уже поздно? И второй: кто новобранцев будет кормить, учить, вооружать?

Что же получается, все видят опасность, а она нет? Выходит, что она не свои мысли высказывает. И указ о роспуске малой дружины, не она родила!

Когда это её умопомрачение началось? А сразу, как только Калина с похода вернулся! Вот корень зла! И тут не глупостью старческой пахнет: прямым предательством и воровством, бывшего старшины!

И вот какая мне на ум, еще мысля пришла! Когда мы с князем возвращались от речных ворот, вместе с сотнями Игрецы, нам навстречу повстречалась десятка из сотни Тарана. Весть она привезла от Калины, что полночное войско сегодня утром высадилось на земли Болотных Цапель. И что поспешать нам надо.

Мы, конечно, поспешили и на следующий день уже были в Ивели. Так вот: глаголал я со старым Нилом, что за почтовыми голубятнями присматривает. Он мне проговорился, что

голубь от Болотных Цапель, прилетал четыре дня назад! Тогда я на его речь внимания не обратил, а вчера тот разговор вспомнил. И как ведро холодной воды мне на голову вылили! Получается, что Калина послал гонцов нам на встречу, только спустя три дня, после получения вести!

Вот какой вопрос надо задать на сходе, воеводе, недавно назначенному. Пусть ответствует перед народом! А княгиня должна его услышать и нашим речам внять! Прозреть и от кривды отказаться! Не совсем же её ум высох!

А когда от скверны очистится – княжеские вожжи в свои руки возьмет и с дружиной определится. Глядишь, и темные времена, в лета канут. Не должны наши боги от нас отвернуться. Победу же, они нам даровали для чего – то! – Волос с сомнением покачал головой:

– Молод ты. Я тебя постарше и помню еще те времена, когда Великий Князь Благослав, наш мир покинул. Роман, по своему возрасту, править вотчиной еще не мог, и от его имени это делала овдовевшая Княгиня. За неполных три зимы она столько раз учудила, что все диву давались, как наше княжество, соседи по кускам не растащили.

Указы издавались каждую божью седмицу. Один глупее другого: и последующий – отменял предыдущий. И никаких советов от Думы боярской, слушать не желала. Все сама! Всю жизнь стольного города с ног на голову перевернула! Никто из служивых не знал, что делать. И не делали ничего! Ждали, когда молодой князь княжеский стол займет.

Правда, потом облегчение всему народу вышло. Наверное, боги сжалились над землей нашей! Запустили в её постельку, braveго десятника Калину. Змею подколодную!

Стало ей не до указов и судов. Только тогда, народ вздохнул с облегчением. А там и князь Роман, на троне княжеском утвердился. Но, эти времена, и ты уже помнишь.

Я это к чему говорю? В те времена, Княгиня была помоложе и умом поострее, а дров наломала – великое множество. Сомнение меня гложет, что с тех пор она поумнела и стоворчивей стала. Учти мои речи, если посчитаешь нужным. На мой взгляд, светлые времена после схода – зело ждать не стоит! – Волос, тяжело вздохнул.

После его ухода, пришли сотники Унибор, Таран и Рокша. Больше часа обсуждали, как навести порядок в стольном городе. Ничего нового придумать не смогли: дополнительные ночные и дневные патрули и не только возле пристани и центральной площади. Особое внимание – окраинным улицам и посаду. Задержанных, пока отсутствует мировой судья, доставлять на дружинное подворье, на скорый суд. Если воровство, то сечь прямо здесь. Если разбой, и есть потерпевший и один свидетель – сразу на виселицу, на рыночную площадь. Если нет свидетеля – проводить дознание заплечных дел мастерами и на другой день – в петлю.

Дозорные рейды, по трактам, удлинить до двадцати верст в одну сторону. Задержанных воров и разбойников – судить на месте. Деревья, с толстыми суками, вдоль трактов, всегда найдутся!

Тяжбу между иноземными купцами и пристанью, решить в пользу иноземных купцов и отпустить их с миром. Если мировой судья решит, что пристань была права и понесла убыток, то его покрыть, в наказании за отсутствие, из жалования самого судьи. Но об этом, он должен узнать после разбора тяжбы. Иначе – будет судить неправедно.

Одним словом, изготовители пеньковой веревки, могли потирать руки, в ожидании хороших барышей.

Головной болью, для всех, было нахождение в городище пленных полночных воинов. Они вели себя смиренно, особых хлопот дружине не доставляли, но кормить такую ораву, было накладно. И отправить их восвояси, они пока не могли. Из более трехсот пораненных и увечных, на поправку пошли не более сотни человек. Остальным – требовалось время для лечения.

Выход один! Здоровых, снабдить провиантом и переправить на тот берег. Пусть добираться до родных земель сами и без конвоя. Хворых, продолжать лечить до полного выздоровления.

На этом обсуждение вопроса о наведении порядка в городе, было закончено. Пора было готовиться к выезду на центральную площадь.

На сход дружины и горожан, который был назначен на вторую половину дня. Важнейшему событию не только для стольного города и войска, но и для всего княжества Ивельского.

Такого наплыва народа, не помнили даже старожилы стольного города. До этого, казавшаяся необъятно – огромной центральная площадь, не вместила и половины приглашенных на сход, или как сейчас стали говорить – вече. Людское море плескалось на улицах, лучами, расходящимися от площади.

Перед зданием, в котором заседают думские бояре, построили высокий помост, для желающих сказать свое слово перед земляками.

Левую часть площади, почти полностью, заняла конная дружина, в полном составе. Между ней и толпой горожан, пролегла узкая разделительная межа, шириной не более двух сажень.

От дружины, на помост поднялись старшина Демир, сотники Унибор, Таран, Волос и Ратица.

От думских бояр, наиболее уважаемые: Басай, Прокопий, Фиодор, Умномысл и Багута.

От купеческого сословия, перед людьми стали самые состоятельные: Анисим, Данко, Серебряк, Митрий и Калоша. Присутствие этих горожан на помосте, было заранее согласовано.

Последним на возвышенность, при помощи двух гриден, поднялся хворый, бывший тысяцкий, Ерофей. Его сопровождал и поддерживал десятилетний внук Антошка. На предложенную сотниками скамейку – сесть отказался. Вид у него был, далеко не боевой. Он сильно спал в теле. Лицо имело землистый цвет. Очи покраснели и слезились. Десница тряслась мелкой дрожью, но стоял он прямо, гордо выставив вперед сивую бороду. Бывший воевода, сдаваться болезням и старости, пока не собирался.

Ждали появления Великой Княжны и неудавшегося тысяцкого Калины. Ведь сход (вече), был затеян только из – за их поступков, из – за их поведения.

На улице, которая вела к первым, Главным Воротам и княжеским хоромам, появился, ярко украшенный, возок старой Княгини. Следом скакали, человек десять, воинов личной охраны. Среди них – неудавшийся воевода Калина.

6

Рано утром, Ольгу разбудил малой защитник – Семен. Был он серьезен и не по детски собран. В горенку, в которой она ночевала, войти постеснялся, поэтому говорил с порога:

– Вставай сестренка! Просила разбудить пораньше – я и разбудил. – Ольга мгновенно вспомнила вчерашний разговор и теплая волна нежности, накрыла её с головой: он так и сказал – «сестренка»! Впервые в жизни она услышала такое обращение к себе! Но виду не подавала:

– Здравствуй братик! Спасибо тебе! Спать было так сладко, что если бы не ты – проспала до обеда. А мне сегодня в дорогу! Как там, на дворе погода? – Отрок степенно отвечивал:

– Погода не очень радует. Туман такой, что не поймешь, есть ли Ярила, и как высоко он поднялся! Но трудность не в этом: на подворье тебя, уже полчаса, десяток воинов дожидается! Конные и при оружии! По виду – из княжеской дружины. Они с тракта к нам завернули, а когда увидели твоего черного коня – зело заволновались! Хотели сразу будить, да я не позволил. Сказал, что ты не велела, в такую рань беспокоить. Они, пусть и нехотя, но согласились. Сейчас сидят возле ворот и ждут твоего появления. – Ольга была уже на ногах, благо спала одетой. Тревоги не было! Если Лука не вмешался – значит свои:

– Братик, принеси мне ковшик холодной водицы. После ночи умыть лицо надо! – Семен важно кивнул головой и широко шагая, поспешил выполнять просьбу сестрицы.

Быстро сполоснув лицо и тронув гребнем волосы, простоволосая, вышла из пристройки. Сразу, возле двери, жались Стояна и малая Настя. Воины сидели на земле, в ногах своих коней. Плотный туман делал их фигуры расплывчатыми, зыбкими, но появление воительницы – они заметили. Как по команде вскочили и отсалютовали мечами. Ольга их раньше видела, но по именам не знала. Вперед шагнул кряжистый, лет сорока, детинушка:

– Будь здрава воевода! Я десятник сотни Волоса – Одинец. Выслан с дозором на двадцать верст по тракту. Пять верст тому, хотел уже вертаться, да голос подсказал заехать на постоялый двор. А тут мы твоего Бутона узрели! Хотели сразу осмотреться, да братишка у тебя оказался больно сердитый. Не позволил в горницу заглянуть! За вилы хвататься начал! Не воевать же нам с ним. Вот сидим и ждем твоего пробуждения, хотя тебе, как можно скоро, нужно быть в городе. Там нешуточные дела вызревают! – У Ольги тревожно екнуло сердце, и затяжелел затылок:

– Ждите малое время. Через пять минут выступаем! – Гриди полезли в седла. Она обернулась к хозяйке:

Баба Стояна, мне кружку молока, без ничего! Все, о чем мы вчера говорили – остается в силе. Вас заберут дня через три – четыре. Собирайтесь не торопясь, время есть! – Обернулась к Семену:

– Братик! Перед отъездом, заколотишь окна и двери крепкими плахами. Все съестные припасы – с собой. Овец, коз, свиней и корову распусти по окрестностям. Чай не погибнут от голода!

В дальней дороге – ты главный. Заботься о женской половине! Когда встретимся – доложишь! Вот тебе деньги на дорогу, которые твоему отцу, тати не заплатили. – Вытащила тяжелый кошель и сунула в руки отроку. Стояна была уже рядом с большой кружкой сырого молока. Одного взгляда на кружку хватило: рвотный спазм рванулся от желудка к горлу. Ольга отбежала за пристройку.

Через минуту все прошло. Она вытерла дланью губы. Стояна стояла за спиной:

– Дочка! Откройся мне! Есть ли у тебя сердечный друг, с которым ты любишься? Только правду скажи! – Ольга опешила от неожиданной догадки:

– Есть! Но это совсем не то, о чем ты думаешь! Затылок мне пращей повредили, вот и последствия через горло прут! Заживет рана, шишка сойдет и все стонет по – старому! – Потрогала затылок. Шишки не было.

– Дай то бог! Но долго я живу на этом свете, много повидала! Я еще вчера поняла все, когда ты кислое яблоко ела! Готовься к счастью великому! Готовься стать матерью! Это я тебе говорю!

Доля наша женская такая: любовь и ласки – всегда этим заканчиваются. И помни: это самое большое, что могут дать нам боги. Береги плод больше себя, больше чувства огненного, к другу сердечному! Будь внимательна и осторожна. Ты теперь, не только своей жизнью распоряжаешься!

Бутон осторожно перебирал ногами. Ольга плавно покачивалась в седле. Она ехала рядом с Одином в голове дозора. Десятник, как бы понимая её настрой, лошадей не гнал. Ехали скорой рысью.

В голове Ольги творилось черти – что. Мысли, обгоняя одна другую, метались, словно летучие мыши в пещере. Жаром пронзала сладкая истома: я будущая мать! Следом холод – а как же теперь быть с поисками отца будущего ребенка? Плод ведь надо хранить, лелеять! От любых опасностей, встрясок и волнений оберегать! Как совместить несовместимое?

Заговорил Одинец. Подал все новости стольного града и мысли воительницы, приняли другое направление. Личные сомнения и переживания отодвинулись на второй план.

Княжество в опасности! В опасности десятки тысяч её соотечественников! В опасности земля Ивельская! В опасности Отчизна!

Летучие мыши покинули голову. Все стало простым и ясным: в опасности Отчизна! Вот о чем надо думать, вот о чем надо радеть! Обернулась к Одицу:

– Десятник, я поспешаю в город. Если сможете – держитесь за мной. Не сможете – не беда. Я – на главную площадь!

Бутон, словно поняв слова хозяйки, без команды, рванул так, что Ольга откинулась в седле. За спиной, удаляясь, слышался все убыстряющийся, перестук копыт лошадей дозорной десятки.

В стольный город! В гушу событий! К начальной черте, за которой начнутся поиски любимого человека!

На вторых Главных воротах, кроме четырех стражников, не было ни одной живой души. Ольгу, конечно признали. Все четверо, окружили коня и глядели на неё, как на выходца с небес. Наконец, старший наряда нашелся: втянул живот, поправил ремень с ножнами и сирым голосом доложил:

– Воевода! У нас все спокойно, а в городе, на площади – сход всего народа. Тебе туда! Поспешай, хотя начало уже не застанешь. – Про сход она знала, но не думала, что он начнется так скоро. Тронула бока Бутона и степенно двинулась к месту всеобщего сбора. За спиной цокали подковы коней десятки Одица. Все – таки – догнали!

Улица, по которой они ехали, плавно поворачивала на заход, и казалось вымершей. Поражало полное отсутствие жизни. Тишина давила на уши.

И вдруг звук, похожий на выдох многих тысяч людских глоток! Лошади, от неожиданности, сбились с шага. А последующий рев многотысячный толпы и ритмичный стук – заставил их засеменить ногами. Ольга вытянула шею, стараясь разглядеть источник шума. Улица заканчивала поворот, и она увидела хвост человеческой реки, не поместившейся на площади. Люди кричали, махали руками, топали ногами, свистели! Их возмущение происходящим, было налицо!

Крики стихли, и из глубины площади донесся лающий, женский старческий голос. Что он вещал, пока разобрать было невозможно. Кто – то, их последних рядов человеческой змеи, слышав цокот копыт по деревянному настилу, обернулся. И тут же – крик удивления и радости: Воевода! Воительница! Люди начали оборачиваться и вопли возмущения, сменились криками ликования.

Одинец поднял шуйцу и его десятка, приблизившись к толпе, остановилась. Ольга продолжила движение в одиночку. Народ начал расступаться перед ней, создавая неширокую просеку, рядом со строем дружины и ведущую прямо к помосту.

Людское море заволновалось. Родившийся на улице возглас «Воевода», стремительно растекался по площади. И уже через малое время, народ стольного города Ивеля, восторженно скандировал: ВО —Е— ВО – ДА, ВО – Е – ВО – ДА! Дружинные грядки, вновь начали отбивать ритм, мечами о щиты. Шум стоял такой, что закладывало уши!

Не доехав трех саженей до помоста, Ольга покинула седло. Кто – то из воинов подхватил Бутона за уздечку. Преодолев семь высоких ступеней – поднялась на возвышенность под очи тысяч и тысяч горожан и боевых побратимов. Вопрошающий взгляд, она выдержала!

7

Восхождение на помост Великой Княгини, пятерых охранников и Калины – толпа встретила гробовым молчанием. Подтверждались самые худшие опасения, бывшего пастельного усладу, старой правительницы. Жители Ивеля, были настроены к ним, весьма враждебно. Об этом говорили их, горящие ненавистью, очи и тревожная тишина на площади. Страх, ледяной сосулькой, вонзился в душу несостоявшегося воеводы. Мысли скакали, обгоняя одна другую:

– Неужели я опростоволосился, в своих надеждах на авторитет Великой Княгини? Где и в чем я допустил ошибку? За что боги прогневались на меня? Казалось, что все рассчитал правильно, все разложил по полочкам!

Ерофей стар и скоро уйдет на покой, независимо от исхода битвы малой дружины речных ворот со степняками. Здоровье тысяцкого, здорово пошатнулось, после их похода с князем в Игрецу. А на носу – битва с полночными князьями!

Понятно, что перед сечей, воеводу не меняют. И это ему – мед сладкий! Зачем ему лишний риск? Он терпеливый, он подождет! Даже если Князь Роман и Ерофей, выиграют битву с полночными князьями – тысяцкий этого похода не перенесет, сляжет! Силы его – давно, неумолимое время, выщедило по капле. Это он с виду здоров и крепок, а на самом деле, внутри него – одна труха.

Но «даже» – не предвидится! Ведь план, силы похода и место, где Роман собирается дать решающую битву, давно известны полночным князьям Благославу и Горазду! И именно это дает твердую надежду на разгром Ивельского войска! Полночные князья – успеют подготовиться!

Ни одна живая душа в княжестве, не знает, что Калина – сам уроженец полночного княжества, изгнанный, в отроческие годы за воровство, из рода. И что он приходится, троюродным племянником, самому князю Благлславу!

Так жизнь распорядилась, что уже в зрелые годы, его занесла в стольный град, и пристроила в княжеской дружине. А затем – в пастельстареющей княгини.

В прошлом году, на весенней ярмарке, к нему подошел купец и передал привет от троюродного дядюшки. А уже этой зимой, к нему прислали посла с солидным подношением и выгодным предложением. Связь, с родным княжеством, была установлена и стала постоянной. Послы прибывали каждую луну, а в последние месяцы – вдвое чаще и всегда с щедрыми подарками!

А когда ему предложили стать соглядатаем от Благослава в Ивельском княжестве – отказать дядюшке, не смог и не посмел. Еще бы! В случае победы полночных князей, ему обещано место посадника в стольном городе!

По сути, он остается в выгоде при любом раскладе. Если победу в сече одержат полночные князья, он становится посадником. Если Роман – воеводой! Конечно, первый исход куда приятнее. Поэтому он и старался, как можно больше навредить молодому князю!

Помимо передачи секретов подготовки к битве, он задержал на два дня, сообщение о высадке вражьего войска. Постарался, чтобы обоз, в котором везли запас стрел и оружия для дружины, прибыл к месту с большим опозданием.

Одним словом – сделал все, что было в его силах! И нет его вины в том, что боги решили все по – своему!

Все началось с того, что Роман вернулся от Речных Ворот с новым воеводой! Место Ерофея

заняла, никому в стольном городе неизвестная, молодая воительница по имени Найдена. Как потом выяснилось – зазноба князя на стороне!

Приглядевшись к ней, понял, что не только за пастельные заслуги, она стала под стяг воеводы. Её воинский дар, был оценен сразу всеми и бесповоротно. Особенно после битвы на сухой речке! Вот тогда он понял, что проигрывает во всем!

Но потом, вновь забрезжила надежда: князь бросился в погоню за убегающим ворогом – и пропал! Одной помехой, к исполнению его планов, стало меньше, но оставалась главная: ненавистная воевода – воительница, по имени Найдена! Убрать её надо с этого света, любыми способами убрать!

На ум пришел подопечный, который, по забывчивости его, участвовал в походе. Синяк! Как он мог забыть, про неприметного сына – ученика, его полуумной хозяйки, у которой он когда то квартировал? Ведь он умел готовить всякие полезные для жизни растворы!

Несколько раз, когда мужская сила противилась встрече с дряблым телом княгини, он обращался за помощью к хозяйке. Та, выбирала какие – то сушеные ягоды и корешки из своих заготовок, давала их растереть в пыль и сварить особым способом, своему, всегда угрюмому и молчаливому, сыну. Тот, с поставленной задачей, справлялся с полной ответственностью. Два глотка, нестерпимо горькой жидкости – и вот тебе готовый жеребец, напополам с кроликом!

И результат пастельных баталий превосходил все ожидания. Старая княгиня жевала покрывало, кусала руки, извивалась змеей и орала так, что воронье, свившее свои гнезда на близких деревьях, десятки раз за ночь, поднималось в темное небо.

Одно плохо: после этого настоя, приходилось двое суток ведрами пить воду и прикладывать мокрые полотенца к пылающему лицу. Зато княгиня, после такой случки, мазала губы и лоно крупчатым смальцем и седмицу, ходила походкой конного гридя, который луну не покидал седла. А самое главное, что после таких ночей, она могла пообещать ему не то, что стяг воеводы, но и княжеский трон! Он ей, после всего, – верил!

Задачу, своему подопечному, он поставил простую: новоявленная воевода в стольный город вернуться не должна! Нужные для этого грибы и ягоды, растут и в местных лесах! Синяк перечить не стал: надо – значит надо:

– Сделаю! Только, по возвращению, в хлеву у нас, должна стоять тельная корова и десяток овец! – Деваться было некуда. Пришлось обещать.

Но что – то не сложилось. Найдена – вот она перед помостом, а Синяка отправили на кроду, вместе с погибшими воинами перед мостом. Причем погиб он не в битве, а от съеденных ягод!

В старательно разработанном плане, стали проявляться жирные прорехи. Но сдаваться – он не собирался! Вернувшись раньше войска, удалось внушить княгине, что корнем всех бед, является воительница. Это она сгубила, добившегося победы над ворогом, князя Романа.

Пряталась за спинами гридей во время битвы, а затем, непустила дружину в погоню за отступавшим врагом. Поэтому твой сын и наш князь – сгинул!

С какой целью это ею сделано – тайна великая, ей только подвластная. Где она сейчас находится, какие планы вынашивает – одним богам известно! Но, возможно, речь идет о княжеском столе!

Это предположение, привело старую княгиню к истерике. Успокоилась только тогда, когда вылила в рот большой кубок доброго меда. Пожевала бесцветными, мокрыми губами имолвила:

– Достояна петли на шее! Прощения, пока я жива, никогда не будет! —Калина вздохнул с облегчением, поняв, что он опять выиграл. Боги на его стороне!

Народ безмолвствовал. Тысячи очей жгли пространство перед помостом. Казалось, что воздух загустел и приобрел багряный оттенок. Великая Княгиня шагнула вперед. За ней, подерживая её под локоть, ступил Калина. Было видно, что старая княгиня, лица не потеряла:

– Ну, что, дети мои! Без спроса и моего согласия сход учинили? Непотребный бунт удумали? Может княжескую длань на своей шее, чують перестали? Или бляжья девка, всех гридей, через свое с ними распутство, о долге перед отечеством позабыть заставила? И про моего сына и вашего князя Романа, которого она бросила в битве, вы тоже запомнили под её влиянием? – Голос Княгини, хоть и старческий, был отлично слышан всеми собравшимися.

После первых её слов, о бунте и шее, в толпе возник недовольный ропот. Последующие её слова, вызвали бурю негодования. Людское море расплескалось криками возмущения и несогласия. Дружина прибегла к своему излюбленному способу выражения чувств: стуку мечей об щиты. Грохот стоял такой, что походил на весеннее пришествие Перуна.

Княгиня сделала попытку заговорить, но куда там! При таком – то шуме негодования! Несколько раз махнула десницей, стараясь успокоить разбушевавшееся море. И ей это удалось! Первой, успокоилась дружина, выполнив команду Унибора, стоящего на помосте. За ней, постепенно, замолк и городской люд. Старая Княгиня закричала так громко, что на её шее вздулись синие жилы, толщиной в перст:

– Вы что, против княжеской власти бунтовать удумали? Свои правила установить хотите? Так не бывать этому, никогда! Все станет по – моему!

Смутьянов и зачинщиков всех вскрою и для каждого из них, здесь, на площади, виселицу поставлю! Их подпевал и жополизов упеку на вечные времена в каменоломни! Дружину, если она передо мной не повинится и на колени не станет – разгоню к херам! Найму витязей из тех же полночных стран. Деньги для этого найду! Отберу имущество у смутьянов и отдам тем, кто будет верно служить мне! И только – мне! – Жилы, на шее Старой Княгини, готовы были полопаться. Так бы, наверное, и произошло, если бы не новый всплеск народного негодования. Продолжать свою речь при таком шуме, ей не было смысла. А вскоре рев толпы перешел в скандирование, ненавистного для неё и Калины слова – «ВО – Е – ВО – ДА!»

8

Ольга, молча, стояла на краю помоста и ждала установления полной тишины. Неожиданно к горлу подкатила тошнота. Огромным усилием организма она подавила рвотный позыв, несколько раз сглотнув горькую слюну. Откашлялась и звонким голосом обратилась к собравшимся:

– Славные жители славного города Ивеля! Мои боевые братья!

Я, воевода Ивельской дружины, пришла к вам, отчитаться о походе нашего войска, против ненавистных захватчиков! Пришедших к нам, без нашего приглашения, из полных стран! – Почувствовала приближение очередного рвотного позыва. Набрала полную грудь воздуха и продолжила:

– Поход был тяжелый, а битва жаркой и кровавой! Враг превосходил нас вдвое числом и хорошо обучен воинскому мастерству! Он заранее прознал о наших планах и уготовил нам ловушку, которую мы вовремя раскрыли!

О самой битве, долго глаголать не буду. Думаю, что воины дружины, вам о ней донесли со всеми подробностями. Главное – мы победили! Враг разбит! Боги были на нашей стороне! Побратимы! Я горжусь вашим мужеством и героизмом! Низкий поклон вам за победу! – И склонилась в пояском поклоне. Быстро выпрямилась, боясь новых приступов тошноты. Вновь набрала полную грудь воздуха:

– Вечная слава и вечная память сынам Отчизны, отдавшим свои жизни за её свободу! Клянемся, что никогда не забудем их имен! – В ответ, от дружины, – оглушающие грозное:

– Клянемся! Клянемся! Клянемся!

– Клянемся и в том, что не оставим без помощи и внимания семьи павших героев за нашу Родину! – И снова:

– Клянемся! Клянемся! Клянемся! – Сейчас клялись не только гридни, но и горожане. Людское море, ранее разделенное на конных и пеших, – стало единым!

Ольга медленно обернулась к находящимся на помосте людям. Очи уперлись, в стоявшего за правым плечом Княгини, бледного Калину. Ужас и животный страх парализовал неудавшегося воеводу. Не было даже сил, укрыться за спиной старой Княгини. На лбу выступил обильный пот, и он, раскатисто – громко, испортил воздух. Великая Княгиня, от неожиданности, отпрянула в сторону, полностью открыв Калину, взору Воительницы. Взгляд её не обещал ничего доброго.

Ноги, бывшего старшины ослабли, и он рухнул на пятую точку: – Бе.. Бе.. Бе.. – Язык тоже отказывался подчиняться! Ольга протянула руку в стороны клятвоступника:

– Взять, этого червя навозного! Поставьте изменника перед всем народом! – Сотники, мешая друг – другу, кинулись выполнять её приказ. Выволокли полуживого от страха Калину на край помоста и развернули его лицом к толпе. Ольга стала рядом. Огромный сотник Рокша, с другого бока, за пояс, придерживал качающегося предателя.

– Слушайте меня народ и боевые побратимы! – Голос воеводы звенел над площадью. Собравшиеся, безмолвствовали, боясь пропустить хоть слово, сказанное Воительницей:

– Перед вами – гнусный изменник, очень много сделавший для того, чтобы враг разбил нас в битве! – Ольга говорила коротко, зло и доказательно, делая промежутки между словами.

За ней, слово взял старшина Демир. Он доходчиво поведал о случае с почтовым голубем от Болотных Цапель.

Неожиданно для всех, к краю помоста, шагнул сотник Таран. Множественные взоры, обращенные к нему, его ничуть не смутили:

– Я вот, что вспомнил. Это случилось, когда воевода с сотнями малой дружины, отправилась лично искать князя. Главным, вместо неё, остался старшина Калина. Моя сотня занима-

лась полоном. Среди пленных, находился старый князь Благослав, которого с лошади ссадила лично воевода. Он был в сумеречном состоянии, говорить не мог, но быстро шел на поправку.

Я находился неподалеку, когда к нему подошел Калина. И мне показалось, что они знакомы. Старшина что – то у него спросил, а в ответ князь потянулся к нему, как бы собираясь его обнять. В ответ, Калина так оттолкнул старика, что тот упал на землю, а сам скорым шагом ретировался.

Мне стало любопытно: что произошло между ними? Но Благослав ответить не мог. Только мычал и горько плакал!

А на утро, мне доложили, что старик, неожиданно скончался! Зело дивно мне стало: еще вчера он был крепок, а сегодня отправился за облака! Решил осмотреть тело и приказал раздеть его до исподнего. Ничего необычного не обнаружил: ни ран, ни синяков. Одна небольшая шишка на темечке, но это от меча воеводы!

Никто, ничего, в эту ночь, не зрел. Тем более, что почивал он в шалаше, который я велел сложить для него, своим гридням. Князь все – таки! Тем бы все и кончилось, если бы не подул ветерок и не сдул седую прядь с уха. В левом ухе я заметил каплю свернувшейся крови.

Когда смыл водой сгусток – под ним обнаружил глубокую ранку, которая уходила вглубь головы. Убили его! Узким кинжалом проткнули мозг через ухо!

Доложил старшине и еще не дошел в речи, до обнаруженной мною ране, как Калина отрезал:

– Все там, когда – нибудь, окажемся! Ничего удивительного: старый, больной человек, да еще падение с лошади! После такого и молодой воин может окочуриться! На этом разговор закончился.

Не успел я вернуться к своим, как прибыли двое доверенных людей старшины, с указом выдать им тело старого князя. Выдал! Что было с ним далее – одному Калине известно.

По мере того, что рассказывали людям воины, обстановка накалялась. Вначале глухой ропот, затем возмущенные отдельные крики, после вестей от Демира, и наконец, сплошной призыв казнить изменника, после истины от сотника Тарана! Ответа старого голубятника Нила, ждать не стали.

Толпа придвинулась к помосту. В первых рядах оказались близкие, не вернувшихся с похода воинов. Они больше других, взывали о смертном наказании изменника.

Калина стоял на краю помоста и смотрел вверх толпы мутными, мертвыми глазами. Кажется, что утратил связь с жизнью, связь с реальностью. Лицо его напоминало хорошо высушенную бересту.

Воительница услышала, за спиной птичий клекот. То рыдала старая Княгиня. На сухой шее дергался, в такт клекоту, острый кадык. Руки она протягивала к своему бывшему пастельному другу. В перерывах клекота, можно было услышать мольбу – бред:

– Калинушка! Как же ты так поступил? Ты же вещал, что к Роману относишься, как к родному сыну! – Лицо её посинело и она рухнула на настил.

Впоследствии, среди горожан, будет ходить много различных рассказов, присутствующих в первых рядах видаков. И все будут утверждать, что их видение – и есть истина. А случилось непонятное: то – ли сотник Рокша устал, и у него разжались длани, то – ли лопнул пояс на пузе старшины, за который он его поддерживал, то – ли старшина Демир, случайно споткнулся и подтолкнул Калину. Каждый из стоящих возле помоста, настаивал на своем видении! Но конец рассказа у всех был один: неудавшийся воевода упал в руки разъяренной толпы.

Суд был скорым. И справедливым.

Ольга, не успевшая помешать самосуду, укрылась за спины людей, стоящих на помосте. Желудок прыгал в чреве. Из носа и рта капала жидкая, горькая водица. Позыв закончился скоро. Вытерла лицо жестким обшлагом рубахи, скрывающей кольчугу, и вновь ступила на край помоста. На скоротечный суд, внимания решила не обращать: чем он хуже княжеского, над таким же изменником, хромым трактирщиком Корзуном? Да ни чем! Тогда решение, о его казни принимал один человек, а сегодня, над Калиной – тысячи!

Волнение людского моря, после скорой расправы над предателем, понемногу улеглось. Тело его завернули в холстину и убрали с площади. Ольга решила продолжить разговор с народом:

– Скажу правду, как её понимаю! Я против такого исхода, который сейчас произошел! В нормальном княжестве, судьбу любого преступника, решает князь! На основании проведенного дознания и полного подтверждения его воровства перед народом.

То, что сейчас князь отсутствует, а Великая Княгиня, справедливый приговор изменнику вынести не в состоянии, поскольку сама с ним тесно связана – нас не оправдывает! Закон и правда, для всех должны быть одинаковы!

Да, вина Калины перед княжеством, не вызывает сомнений! Измена налицо! Но у многих в душе шевельнулся, червячок сомнения. А вдруг совпадение? А вдруг – случайность? И это потому, что настоящего дознания не было!

А этого быть не может! Каждый житель княжества, от мала до велика, должен быть уверен, что суд полностью разобрался в любом злодеянии! Что ошибка – исключена! И что приговор не зависит от людского настроения. Иначе, это не суд – а самосуд! Подумайте над моими словами!

Ропот одобрения разбежался по площади. Воевода была права! И не по возрасту – мудра! Ольга продолжила:

– Соотечественники! Пока с нами нет князя Романа, власть будет у Великой Княгини. Так требует закон! Если ей понадобится наша помощь, боярская дума и совет дружины, готов её оказать, А самые главные решения и указы, предлагаю утверждать всем людям, на общем сходе! Так, мне кажется, в трудное время – это будет справедливо! – Площадь разразилась восторженными криками. В воздух полетели шапки. Появилась уверенность, что раздор между властью и жителями стольного города Ивеля, сильно уменьшился.

Старую Княгиню, со всеми предосторожностями, снесли с помоста и уложили в её разукрашенный возок. Она была в сознании, но говорить не могла. Из правого уголка рта постоянно текла слюна. Правый же глаз, неестественно выпучился из глазницы. Даже неискушенному человеку было видно, что у неё парализована вся правая часть тела.

Ольга отвела в сторону Баксая, главу думских бояр. Подумав, призвала к разговору, еще одного думского боярина – Фиадора, которого знала еще с приезда в Игрецу:

– Бояре! Тут вопрос, со здоровьем строй Княгини, требует, вышей помощи и вмешательства. Мне сказали, что у нее есть личный лекарь. Надо ему дать в помощь еще двоих. Одного предложите вы, другого – предложат купцы. И пусть они постоянно держатся вместе. В одиночку, в светелку к больной, они зайти не смеют! А возле двери и окон, я выставлю свою охрану! – Баксай нахмурил густые, сросшиеся на лбу, брови: – Думаешь... – Ольга перебила:

– Думаю. Недуг у неё серьезный, а возраст приличный! А вдруг ЭТО случится? Зачем нам давать повод для пересудов и сплетен нашим недоброжелателям? А я уверена, что такие – всегда найдутся! И не хочу, чтобы по княжеству поползли слухи, что Великая Княгиня почила с нашей помощью. А вы? – Несколько мгновений оба боярина, с уважением, взирали на воеводу. Ответствовал Фиадор:

– Согласны! Сделаем. – Сказал, как отрубил. Его восхищение, предложением Ольги, было неподдельным! В голове мелькнула мысль:

– Вот это хватка! Ей пальцы в рот класть не могли! Откусит вместе с руками!

9

Воевода, старшина Демир и сотники Унибор и Рокша сидели в дружинном тереме. Смеркалось, но они лучину не запаливали. Через закрытую дверь, слышались звуки суеты мастеровых людей, которые готовили горницу для объявившейся Ольги. Она должна была служить ей для советов, для еды, для отдыха и находилась в конце узкого коридора без окон.

Воительница закончила рассказ о своем неудачном поиске князя и засаде, в которой погибла её десятка. Повисло долгое молчание. Отчетливо было слышно, как в её горенке двигают что – то тяжелое. Молчание нарушил Унибор:

– Ты мыслишь, что вас на том берегу ждали? – Ольга тряхнула гривой небрунненных волос:

– Без всякого сомнения! И отлично зрели, как мы сплавляемся, держась за лошадиные хвосты. Ждали только нашего выхода на песчаный берег. Прямо напротив плота, в ракитнике, они расставили не менее сотни лучников, а в сажнях ста – замаскировали человек полста конников. Мы только ступили на песок, и по нам сразу – туча стрел!

Я, за мгновение до обстрела, почувствовала опасность, но свою десятку, упредить не успела! Рванула в сторону и под залп не попала. А наши побратимы сразу повалились на землю, утыканные, словно ежи, стрелами. Помочь им – я ничем не могла! Что предупредить, она получила от перстня, умолчала. О нем ведь, кроме отца, никто не ведал. Продолжила:

А потом и меня из пращи достали! Хорошо, что успела Бутона на наш берег отправить! Дальше ничего не помню. – Демир почесал затылок:

– Знаешь, что мне видится? Не засада это была. Заслон они, против нашей погони выставили! Все складывается, если предположить, что они князя Романа с собой утащили! Понимали, что мы поиск немедля организуем, как только к месту их переправы выйдем. Вот и оставили воинов, чтобы отсечь наше преследование, пока они с ним подальше уберутся! – У Ольги загорелись очи, сбилось дыхание:

– Ты так думаешь? Думаешь, что Роман жив и находится в плену? – Сейчас перед гриднями сидела не Великая Воительница, не воевода, отбивший нападение полных захватчиков, а простая женщина. Любящая женщина, которая под своей суровостью, прячет вполне земные чувства! Демир встал, поправил широкий боевой пояс:

– Да, я так думаю! Даже уверен: искать князя, надо за рекой! От места переправы, до самих стольных городов полных княжеств. И этим поиском, мы, со своей стороны, в самое ближайшее время займемся! – Заметив удивленный взгляд Ольги – пояснил:

– Малая дружина речных ворот, уже ищет следы князя на той стороне реки. Вяхирь, послал отряд к хану Турану. Может у него есть, какие новины о его судьбе! Если они появятся, то мы о них скоро узнаем. Почтарями мы обмениваемся, почти каждый день! – Неожиданно, без слов объяснения, воевода быстрым шагом покинула горницу. Сотники переглянулись между собой:

– Куда это воевода заспешила? Случилось что? – Ратица пожал могучими плечами:

– Не обращайтесь внимания! Мало – ли! Может, какая необходимость: женщина ведь! Нам, то знать – не надо! Не нашего ума дело! – С ним согласились.

Воительница скоро вернулась: спокойная, серьезная и собранная. Но все отметили, что её очи, подернулись красноватой дымкой. Мысль у всех была одинаковой: плакала! Тоскует по любимому Роману, вот и расстроилась. Осуждать не посмели.

Воевода заняла свое место. Накрыла дланью, крупный лесной орех и стала катать его по столешнице. Смотрела вверх голов побратимов куда – то в сторону, лоб рассекала, тонка морщинка. Видно было, что она обдумывает важное для неё решение:

– Я с вами полностью согласна. Надо искать, и чем быстрее мы начнем – тем лучше! Но и сломя голову, без хорошей подготовки – на рожон лезть не будем. Седмицу ждем вестей

из Игрецы! Если их не будет, начинаем сыск самостоятельно. Кто возглавит его – определю опосля. А пока, я займусь подбором людей для поискового отряда. Помогает мне – Унибор. Старшина и сотник Ратица – отвечают за обеспечение похода. Можете привлечь к этому и думских бояр.

На этом совет закончен. Занимайтесь своими делами. Демир! Задержись на время! – Унибор и Ратица скрылись за дверью. Ольга была уверена в старшине, как в себе, поэтому сразу повела прямой, откровенный разговор:

– Демир! У меня к тебе две личные просьбы. Мне нужна твоя помощь! – Верный воин с готовностью встал:

– Говори по порядку! Все, что в моих силах, сделаю. А надо будет – подключу всю дружину!

– Не надо никого подключать. Обе моих просьбы решить, тебе по плечу. Первая: ты наверное заметил, что после знакомства с пращей, у меня появились проблемы со здоровьем. Нежданно появляется тупая боль в голове и нападает тошнота. Угадать, когда эта напасть объявится, возможности нет! Понимаю, что скоро, этот недуг меня не оставит.

Поэтому попрошу тебя, как можно больше времени удели воинским делам. Считаю, что я еще не вернулась, и ты выполняешь свою и мою часть ратной работы. Потемнение в голове, я еще перетерпеть могу, а вот блевать перед строем – мне не почину! Как только здоровье пойдет на поправку, сразу вернусь к строю! – Старшина перебил, не дослушав её до конца:

– Найдена! Ты мне как сестра! Даже не смей о такой мелочи заикаться! Сам прошел через это два раза! Помню, после того, как меня разбойнички по затылку дубиной огрели, три луны в облеваных сапогах ходил! Только их обмою, а они опять чистки просят! Все мне это знакомо и все я понимаю. Давай вторую просьбу!

– На тракте, по которому мы шли на битву – есть постоянный двор. По левую сторону и первый от Ивеля. Живут там двое отроков – сирот, вместе со своей бабкой Стояной. Это мои близкие родственники. Недавно они потеряли хозяина и единственного защитника: сына Стояны и отца детей.

Их надо вывезти в Игрецу к моему отцу. Сами они не выживут, пропадут! Мне нужно, чтобы ты выделил четыре крытых повозки, вместе с возницами, способные проехать семьсот с лишним верст и пристегнуть, после загрузки, их к любому купеческому обозу, который идет на речные ворота. Мне нужно их доставить к себе домой. Демир ответил мгновенно, даже не поинтересовавшись, откуда у воительницы взялись близкие родственники на Гнездовском тракте:

– Сделаю. Когда подавать повозки?

Наутро, старый смотритель за почтовыми голубями, Нил – доложил о получении весточки от Вяхиря. Ничего нового: отряд посланный к Турану, пока не вернулся. Через день, на поиски князя и Воительницы с её отрядом, на тот берег отправляется сотня Симака, усиленная следопытами. Ольга быстро написала ответ, сообщив, что жива – здорова и сообщила о планах Ивельской дружины, подключиться к розыску следов князя. Отдельно, на другой бересте, известила отца о скором прибытии гостей, новых родственников. Вручила оба послания Нилу. Через малое время, два почтовых сизаря, взяли курс на Игрицу.

Прибыл личный лекарь Великой Княгини старец Изосим. Низенький, кругленький, с лысой головой и необычайно яркими, синими очами. С опаской поглядывая на воеводу, глотая окончания слов, поведал о её здоровье:

– Очень плох дело! Правая сторона – мертва. Поч все время спит. Есть не мож. Пищу проталк через труб. Говор не мож. – Ольга сверкнула глазами. Старец смешался, и заговорил медленнее:

– Воевода! Нашей вины, лучших лекарь стольного города, в этом нет. Виноваты – возраст и переживан, которые она перенесла. Слишком много на неё сразу свалилось, вот голова и не сдюжила!

Надеж никакой. Сколько протянет, я сказать не могу: мож седмицу, может – чуть больше. – Сморщил и без того сморщенный лоб и закатил свои небесные очи под веки. Ольга кивнула головой, показывая, что он может быть свободен. Еще на одну головную боль, становилось больше.

Вдруг, возникло непреодолимое желание покинуть горницу, выбраться на свежий воздух, на луговой простор! Она ярко представила, как разгонит Бутона, отпустит поводья и задохнется от прохладного, встречного ветра, который выдует из головы всю тоску – печаль по любимому князю и она ощутит на губах вкус пришедшей осени!

Видение было настолько явственным, что ничуть не отличалось от действительности. Она вытянула под столом ноги и смежила очи: пусть сон станет жизнью, пусть сон станет явью!

.....Под ноги стелились травы Сивкина луга. Она была высокой, жирной и местами – много выше колена. Стояло раннее, предрасветное утро. Было уже не темно, но еще не было и светло. Час волка!

Густая роса приятно холодила мое подбрюшье. Низко над землей, стремглав носились крупные и мелкие летучие мыши, проглатывая время, отведенное им для охоты. Звезды, над близким Лукмышским лесом, потеряли свою четкость и увеличились в размерах. Под копыта стали попадаться островки рыхлого грунта. Пришлось сбавить рысь и перейти на шаг.

Ветер полностью стих, и кудрявые шапки тумана начали прижиматься к земле, цепляться за высокую траву, оставляя на ней влажные полосы.

Вдруг, от реки, стал накатываться непонятный, тревожный звук, от которого прыдали уши, и мелкая дрожь охватила, кипящее утренним восторгом, тело. В душу, холодной змейкой начал просачиваться страх. Задрал голову и посмотрел в светлеющее небо. В нем появилась новая, доселе невиданная, крупная, зеленая звезда. Она косо шла к земле, и непонятный гул, принадлежал ей. Больше всего, из – за светлых полосок, отходящих от неё, она походила на маленький островок густо сплетенных водорослей, которые он видел на болоте.

Островок изменил направление полета и укрепился в десяти – пятнадцати саженях над землей. От меня до него было довольно далеко, поэтому размеры островка, определить было трудно.

Вдруг, со стороны леса, потянулась белая, ослепительно яркая игла. Одним концом она упиралась в темную опушку. Другой конец, более тонкий, постоянно меняясь в длине, шарил над лугом. Иногда он наталкивался на что – то в воздухе: тут же следовал щелчок и короткая вспышка.

Страх ушел. Пришел ужас! Я понял, на что натыкалась огненная спица: летучие мыши! Они, гоняясь за мошками, случайно пересекали путь иглы и мгновенно превращались в огненные всполохи!

Остров (это был остров, а не какой – то островок, сейчас это было хорошо видно), тоже узрел опасность и заметался над лугом, резко меняя быстроту и направление своего полета. Спица судорожно задергалась, почти в точности повторяя движения острова. Она искала ИМЕННО ЕГО!

Зеленая звезда просела вниз, и на мгновение, зависла в двух саженях от земли. Но этого мгновения хватило, что бы от её брюха отделился темный блин и упал в траву. И тут же она, плавно, по прямой линии, поплыла к лесу. Было такое впечатление, что она специально дает шанс спице, догнать и поймать её. Или по другому: – она отвлекает внимание, от места сброса блина.

Звезда уже находилась над лесом, когда белая игла её догнала. Яркая зеленая вспышка! Гром ударил по ушам! Дрогнула, застонала земля!

И все кончилось. Гул пропал, спица – игла, спряталась в лес и наступила гулкая тишина! Посреди луга, по грудь, утопая в траве, стояла совершенно нагая девочка. Легкий ветерок поплыл от Ратыни и птахи вспомнили встречать рассвет.

10

Ольга вздрогнула и открыла очи. В груди часто и гулко билась сердце. На лице выступили крупные капли пота. Во рту стояла такая горечь, как – будто она только – что, выпила настой из корня калгана. Тело сотрясала мелкая дрожь.

Потянулась к кувшину с колодезной водой. Пила долго, роняя капли на грудь. Стало немного легче. Дрожь унялась, зато сложилась и окрепла мысль:

К непонятным словам «йогурт» и «интернет», добавился только – что виденный сон. Каким – то образом, её разум переселился в голову Бутона и позволил его глазами зреть момент появления себя, на Сивкином лугу! Зреть так явственно, что в правдивости происшедшего, не было ни капли сомнения! Именно так все происходило! Именно благодаря зеленой звезде, она оказалась на земле Береговых Ласточек! Именно она стояла в высокой траве!

Легче от увиденного не стало. К старым тайнам добавилась новая! И вопросов без ответов, стало больше!

– Что за зеленая звезда опустилась с неба? Что такое огненная игла? Кто управлял ею? Почему она охотилась за звездой? В том, что все ею виденное, особенно гибель зеленого острова, управлялось разумом – она была уверена.

Ну и что толку? К тайне её рождения, сегодняшней сон – явь, ни на шаг не приблизил! Но надежда, что рано или поздно, все тайны, которые клубятся вокруг неё, будут ей открыты – сильно окрепла!

Желание уехать за пределы города не пропало. Ну не могла она долго жить без шума леса, без запаха хвои и трав, без щебета птичек! Вышла на дружинную площадь. Сотники и десятники занимались молодым набором. Шесть сотен, набранных уже после похода, ремесленников, рыбаков, охотников, землепашцев, мастеровых – с тележным скрипом обучали строю.

Отдельно, сотник Волос и его два могучих десятника, занимались с особо тугодумами. Вчера их было около семи десятков, сегодня много меньше. Тяжелые тумачи и отборный мат – быстро прочищали мозги и наставляли на путь истинный.

Задерживаться Ольга не стала и сразу направилась к конюшням, где Бутону был отведен просторный денник. Не доходя до конюшен, в нос ударил знакомый каждому воину запах, и её жестоко вырвало. Когда рвотный приступ прошел – вытерла рукавом губы и увидела, стоящего рядом, Демира. Он смотрел с участием:

– Во – во! Точно, как у меня после разбойничьей дубины! Ты, наверное, ешь мало. Даже сапоги не испоганила! – Ольга тряхнула тяжелой головой. Волной накатилась злость:

– Старшина! Мне только твоего участия не хватало! Занимайся своим делом, а я уж сама со своими бедами справлюсь! – и тут же оттаяла:

– Демир! Мне нужно проветриться! Съезжу к ближайшему лесу, подышу хвоей. Думаю, что легче станет. Засиделась я в горнице, по свежему воздуху соскучилась! Охраны мне не надо: чай не за речку собралась. К вечеру – буду!

До опушки леса оставалось совсем немного, когда из мелкой балки выскочил Лука. Как он узнал, где появится хозяйка – одному ему ведомо. Бутон радостно приветствовал друга протяжным, звонким ржанием. Волк был почти вровень лошади, и Ольге не составило труда, даже не нагибаясь, потрепать лесного любимца по загривку. Лука восторженно рыкнул и пристроился рядом.

Въехать в лесную благодать не удалось. Возле тропинки, по которой ехала воительница, прислонившись к сосне, стоял старый знакомый – дед Челак. Вид у него был усталый, но улыбался он во все тридцать два белейших зуба:

– Здрава будь, дочка! – Старый леший, как всегда балагурил: – Не жалуешь ты, лесного скитальца! Не соизволишь пожилого знакомца проведать! Все тебе некогда! Тебе бы только подвиги два раза в день совершать, да княжества спасать. Для старых друзей – времени не остается! Вот и приходится, за тыщу верст, слабому и больному лесовику из последних сил добираться, чтобы с тобой свидеться!

Думаешь легко, по рекам с русалками сплавляться, верхом на медведях косолапых по лесам пробираться? С кикиморами договариваться, чтобы через болота пропустили? Каждая за это плату требует, а я хоть мужик и в теле, да возраст уже не тот, чтоб каждую ночь в любовные игры играть! А ты знаешь, сколько у нас болот? – Челак, так заржал от собственной шутки, что из кустов выглянул огромный медведь, потянул носом и спрятался. Ольга прыгнула с Бутона и бросилась обнимать любезного весельчака:

– Дедушка, милый! Здравствуй на все века! Ты бы знал, как я рада тебя видеть! Как я по тебе скучала! – Челак, ростом доходил ей до груди, и воительнице приходилось пригибаться.

Отстранилась и заглянула ему в очи. Они были, как говорят, на мокром месте. Челак хрюкнул носом и начал тереть правый глаз:

– Вот ты крапива, ясная! Ерунда, какая – то получается! Вроде бы осень, а комаров не убавилось! Так и норовят в очизабуриться! У меня в лесу – они воспитанные, слезу не вытирают! – Ольга от души рассмеялась:

– Так кто у них воспитатель! У тебя не забалуешь! Они у тебя по гусярной струнке летают!

Бутон прядал ушами и косил глаза на куст, за которым скрывался медведь, но спокойное поведение Луки, быстро его успокоило. Воительница оборвала смех и стала серьезной:

– Давай присядем на травку, дедушка Челак, в ногах правды нет! И ты мне поведаешь, какая нужда заставила тебя свой лес без присмотра оставить и за тысячу верст меня искать отправиться!

Сели. Челак перестал улыбаться:

– Я бы на такой путь ни за что не решился, да неувязочки заставили, на старости лет, трудностей на свою задницу искать! Сама прикинь: разве справедливо, что до сей поры, я берестяную грамоту не освоил? Да и почтовых голубей у меня нет – а это неувязка!

Разве справедливо, что ты, сорочий язык, так и не разучила? А если бы и знала, как я могу белобоку, к тебе с новинами послать? Тут тоже неувязка: для неё все люди – на одно лицо! Как она тебя отыщет?

Вот и пришлось самому в дорогу отправляться. Новина больно важная для тебя! – Ольга мгновенно закаменела лицом, в очах загуляли желтые всполохи:

– Глаголь дедушка, я вся внимание. Не томи душу! – Челак провел грязной десницей по усам и бороде, набрал в грудь воздух и выпалил:

– Жив и здоров твой ясный сокол, князь Роман! – Щеки воительницы начали розоветь. Задрожали губы, и гулко бухнуло сердце:

– Что с ним? Где он? Как его отыскать? – Леший вновь провел дланью по усам и бороде:

– Отвечаю на твои вопросы по порядку. Князя полонили, возле самой реки куда он стремился, отрываясь от погони. Роман, с малым числом гридней, наскочил на полных воинов, которых князя оставили стеречь переправу и плоты. Завязался бой. Силы были неравными. Дружинников побили, а на князя набросили сетку. Обездвижили, а потом и повязали.

На плоту, вместе с подоспевшим князем Гораздом, переправили на тот берег, где у князей тоже бал малый запас воинов, которых оставляли смотреть за табуном сменных лошадей.

Полночный князь, поменял лошадей, и с двумя десятками личной охраны и пленным Романом, спешно отправился на свои земли. Малое воинство, около полутора сотен воинов, осталось на берегу. Прикрывать отход Горазда, в случае погони. Но её не было, и он спокойно ушел! – Челак повертел задом, удобнее устраиваясь на увядающей траве:

– В свой стольный город, Гарду, он Романа не потащил, а заточил его в свой охотничий терем. Это даже не терем, а крепость, которую строил, еще батюшка Горазда, как последнее пристанище на случай набега или какой другой беды. Подойти незаметно к ней не можно: стоит она на острове, посреди большого озера, что в пятнадцати верстах от стольного града.

Крепость, хоть и малая, но укреплена серьезно. Есть и высокий тын, и глубокий ров, и подъемный мост. Стены терема и тын – каменные, из местного песчаника. Внутри посада, глубокий колодезь с грунтовой водой.

Сам Горазд, сейчас обитает в Гарде, а на остров отправил дополнительную охранную сотню. Сколько сейчас в крепости воинов – не известно.

По берегам озера – сплошные болота, через которые проложена одна единственная гать, но она тоже под охраной. От берега, куда выходит гать, до острова – примерно верста чистой воды. Темница, где стерегут твоего князя, под маковкой терема. Два окна, постоянно, закрыты ставнями.

Вот, пожалуй, и все новины, в две седмицы свежести. Не спрашивай, откуда они у меня. Не скажу! Но за верность их – я отвечаю! – Челак перевел дух, после долгой речи. Ольга подивилась: откуда у дремучего лешего, такая точность языка? Глаголет, как настоящий воевода. Она бы лучше не сподобилась!

Но говорить ничего не стала. Зачем огорчать доброго и преданного друга семьи? Ему, наверняка, будет неприятно слышать, что эти новины можно было передать посаднику Икутару, её отцу! А уж он бы нашел способ, донести их до Ольги! Тогда бы надобность, в таком тяжелом походе, – отпала!

Она просто крепко обняла старого хозяина леса и трижды облобызала в колючие щеки. Челак, вновь начал выковыривать из очей, несуществующих комаров. Было заметно, что ему нежность Ольги, пришлась по душе. Трудности – позади, усталость забыта и он всем доволен!

11

Настрой был на высоте. Ольга возвращалась в свою дружинную вотчину. Нравилось все: и теплый осенний вечер, и шорох первых опавших листьев, под копытами Бутона, и блеклый вечерний закат. Душу и тело грела мысль: Роман жив! Голова начала просчитывать возможность похода княжеского войска на полночные земли князя Горазда. Конкретные шаги, пока не рождались, но размытые наметки уже забрезжили.

Организм вел себя образцово. Никаких признаков на тошноту или головную боль. Наоборот! Живая сущность бурлила, как только – что сваренное пиво, каждая клеточка тела зывала к немедленному действию или хотя бы подготовки к нему.

Возле дружинного терема встретила Демира и Унибора. Они сидели на скамейке возле крыльца. Увидев её – оба встали. Демир заговорил, как только она приблизилась:

– Воевода! Есть вести от Вяхиря! Пополудни, от него прилетел голубь. Вернулся отряд, который он посылал к хану. Вести от него!

Князь Роман жив! Его взял в полон князь Горазд и увез на свои земли. Для чего – Туран не ведает! Может, выкуп будет просить, может прилюдную казнь хочет устроить. А может – что другое. – И тут же осекся, заметив, как Воительница побледнела:

– Прости воевода! Язык без костей, мелет все, что на ум приходит! Я почти уверен, что Горазд будет просить выкуп. Хотел бы казнить – не стал бы тащить за сотни верст! Кончил бы на месте и вся недолга! – Ольга молчала. Пришлось Демиру речь продолжить:

– Мы вот с братом Унибором головы над новиной ломали. И пришли к мысли, что надо поднимать войско и ходить воевать, княжество Горазда! Может, успеем помешать nepотpeбcтвy свершиться! Зело обижен Горазд на наш прием, и может в ярости сотворить великую глупость!

Конечно, не нам сие решать, но наши помыслы ты знать должна! Тебе планы строить и тебе указы творить! – Ольга степенно кивнула головой:

– А что возле крыльца о деле глаголем? Пошли в горницу, там и думать вместе будем. Позови всех сотников, а я пока обмоюсь и молочка попью.

Сотники заполнили горницу. Стало тесно, запахло металлом, кожей и потом. Воевода обвела взглядом свое воинство. В очах каждого из них читалось доверие и готовность идти за ней, куда бы она ни направилась! Её верили все! Ольга кивнула Демиру. Тот понял и довел до каждого все, что отписал им Вяхирь. Слово взяла Воительница:

– У меня есть дополнение к сказанному. Вести я получила только сегодня. Источник раскрывать не стану! Но то, что они верны и надежны – могу поручиться головой! Они полностью подтверждают сказанное в голубином письме, но еще и добавляют много, к начертанному:

– Да, князь Роман жив! – И коротко, сжато поведала все, что ей высказал дед Челак. По мере своего вещания, обратила внимание, как оживляются присутствующие сотники. Как они начинают переглядываться, как заблестели их очи, как обеспокоено, начинают двигаться руки. Закончив глаголать, услышала общий выдох облегчения. Неизвестность кончилась! Много стало ясным! Воевода вселила надежду на возвращение князя!

Ольга внимательно, еще раз, по очереди, внимательно оглядела каждого из присутствующих сотников:

– Будем готовиться к новому походу! Наша воинская честь, не позволит, чтобы мы оставили нашего боевого побратима в беде, пусть он даже простой воин! А тут речь идет о самом князе! Простого гридя – постарались бы выкупить или обменять на их соплеменников. В случае с князем, наш долг сказать Горазду: идем на ВВ! – Среди сотников, прошелестел шум одобрения. Раздались воинственные возгласы. Воительница продолжила:

– Мы не будем уподобляться вероломству полночных князей! Мы вызовем полночное княжество на честную битву! За свою подлость, Горазд должен ответить. Мы честно и повоински благородно поступили с их полоном: вернули всех на родную землю, без всяких выкупов и условий. Они же ответили черной неблагодарностью! Я предлагаю решить кто из нас прав, а кто виноват, в чистом поле, в праведной битве. Отдадимся на суд богов! Согласны?

– Ответ она знала заранее! Другого – быть не могло!

Утро принесло очень тяжелую новину: на рассвете скончалась Великая Княгиня. Ни свет, ни заря, в горенку постучался её личный лекарь, старец Изосим. И так понять его речь было сложно, а при волнении – невозможно! Но Ольга все – таки разобрала обрывки слов, которые выплевывал, полумертвый от страха, дрожащий старик: – Старая Княгиня, весь вчерашний день была между небом и землей. А на рассвете, все трое лекарей, обнаружили, что она уже закоченела.

Воительница, срочно выслала ходоков к думским боярам и подняла старшину Демира. Как поступать в этом случае – она не знала.

Весть о кончине Великой Княгини, просочилась в город. И хотя было еще очень раннее утро, народ, как по команде, потянулся на главную площадь. Отовсюду слышались тяжкие вздохи, причитания, тихие, вполголоса, разговоры о том, как жить будем дальше. Князь – сгинул в огне битвы. Старая княгиня – отправилась к богам за облака. Осиротел люд Ивельского княжества! Волхв, на площади, стучал в тугой бубен и вещал о скорых изменениях и бедах, которые ждут народ. Но его быстро заткнули и выпроводили за пределы сбора.

Раскрывались людские водовороты, образуя островки горожан по статусу. Вот мастеровые, вот ремесленники, вот землепашцы, вот купцы, вот рыбаки, вот бояре. И во всех островках обсуждался один и тот же вопрос: что делать будем? Как жизнь свою будем строить, без властной княжеской руки?

Забегали переговорщики от толпы к толпе, разнося вести, думы и настроения. Неугомонная детская мелюзга, оттопырив уши, жадно ловила взрослые разговоры и тут же размножала их по всей площади.

Часть думских бояр, откололась от своего островка и направилась к дружинному подворью. Их было не больше десятка. Оставшиеся, сбились в более плотную толпу, посохами отгоняя настырных, любопытных отроков. Гул от приглушенных людских голосов, плыл над площадью.

Неожиданно, с угла площади, где вели совет купцы, донесся неосторожный выкрик:

– Воеводу в княгини! – И через миг, другой голос: – Воительнице княжеский венец! Достояна! На некоторое время, на площади воцарилась мертвая тишина. Проклюнулись звуки обычной жизни. Где – то мычала корова; где – то звенел колокольчик; откуда то, с другой стороны улицы, доносился натужный, старческий кашель; противно каркали вороны на деревьях, которые обступили строем, людское море....

И грянул гром! Показалось, что над головой раскололось небо! Так бывает только весной, когда человеческое ухо, за зиму отвыкает от буйства Перуна! Когда, от первого в году грома, подгибаются колени!

– Воеводу в княгини! Воительнице править! Найдене княжеский венец! Воеводу на престол! Пойдем под воительницу! – Было ясно, что все сословия, на площади, вызревали одну, общую для всех мысль. А она, созрев – уподобилась реке в половодье. Когда она, набухнув, и набрав силу, сметает все преграды на своем пути и вольно растекается по лугам, чтобы напитать землю живительными соками!

– Воеводу в княгини! Воительницу на престол! Достояна! Достояна!

Гром людского согласия смел воронье с ветвей и насиженных гнезд, сбил их в огромную стаю и повесил тучей над городом.

Народ Ивеля – свой выбор сделал!

Ольга, Демир и думские бояре, заседали в горнице воеводы. На предложение Ольги, взять временное управление княжествомна себя, бояре, почему – то ответили молчанием. И оно затягивалось.

Воевода, непонимающе, переглянулась с Демиром. Казалось бы, что все просто и понятно: Великая Княгиня – ушла из жизни. Судьба сына, князя Романа – скрыта пеленой вопросов и пока остается неизвестной! Но, не может же княжество оставаться без головы? Не может оставаться без присмотра и руководства! Даже умный и послушный конь, если отпустить уздечку, наверняка собьется с пути и может забрести в непролазный лес или топкое болото.

Дума должна взять управление княжеством в свои руки! Что тут рассуждать? О чем тут думать? Демир тоже, непонимающе, переводил очи с одного на другого, из сидящих бояр. Ему нетерпелось решить, как он считал, лежащий на поверхности вопрос и перейти к разработке плана похода на полночные княжества. Молчание думских бояр, начинало казаться зловещим.

И тут грянул гром! Гром людских голосов. Задребезжали слюдяные стекла на окнах! От неожиданности, вздрогнули воевода и Демир! Бояре волнения не выказали, но зашевелились, переглядываясь друг с другом. Встали со своих мест, самые уважаемые: Баксай и Фиодор. За ними, гремя скамейками, потянулись остальные. Как по команде, одновременно, согнулись в глубоких, земных поклонах. Ольга и Демир, недоумеая, тоже поднялись на ноги.

Бояре выпрямились. У всех на очах стояли слезы, а двое, бояре Тихон и Смок, не скрываясь, рыдали в голос. Заговорил степенный и велеречивый боярин Фиадор:

– Приветствуем тебя, Великая Княгиня княжества Ивельского, приемная дочь Икутара, посадника Игрецкого! Прими от нас первых, твоих подданных, – присягу верности и послушания! Что будем служить тебе, верой и правдой, не жалея живота своего! С этого мгновения – ты наша мать – княгиня! Так, только – что, решил народ! Значит такова воля наших Богов! А им перечить – не моги! Их воля и воля народа княжества, совпадающая с решением богов – священна.

Благодари народ за доверие, тебе оказанное! А Богов —за их милость, над тобой простертую! – Все десять думских бояр опустились на колени. Руки прижаты к груди, очи, наполненные слезами, устремлены на новоявленную Княгиню Ольгу!

Великое событие, в жизни Воительницы – свершилось!

12

Отметился первым багрянцем, первыми слетевшими листьями, первыми холодными росами месяц ревун (ревун – сентябрь) и канул в лету. На смену пришел грустный листопад (листопад – октябрь). Позднее и короткое, в этом году, бабье лето, порадовав седмицей теплых деньков и обилием невесомой паутины, сменилось промозглой прохладой с низкими, ободранными, дождевыми тучами. Моросящий, надоедливый дождь, казалось, пропитал все и всех до основания. Но Ольга, из – за отсутствия свободного времени, капризов погоды не замечала. Жизнь вокруг завертелась так, что спать приходилось урывками!

На другой день, после тризны по усопшей Старой Княгине, по городам и весям разошлись известия, о восхождении на престол Великой Воительницы, приемной дочери Игрецкого посадника Икутара, – Найдены. В скорости прибыли послы от всех родов Ивельского княжества.

По какому – то древнему обряду, про который поведали волхвы Главного капища, Ольга, в присутствии горожан и послов, произнесла клятву верности отечеству. Слова её были настолько диковинными, что половину смысла, она не поняла. Но судя потому, что после клятвы, ей водрузили на голову княжескую корону, она проговорила все правильно.

Мучили мысли: княжна – это незамужняя дочь князя. Княгиня – это жена князя. Ни под то, ни под это, она никак не попадала! Она понимала, что об их любовных отношениях с князем Романом, знают все жители стольного города. Да они и не делали из этого секрета!

Зазноба и только! А как это будет выглядеть после возвращения князя? Он Князь по роду, я – княгиня волею народа. А кто тогда его, богами даденная жена – Боголепа? От таких мыслей, голова шла кругом.

Лучше об этом не думать! Вернется Роман, тогда и рядить будем. Жизнь сама все на места расставит!

От отца прилетел почтарь, в котором он извещал, что семья Стояны, благополучно прибыла на их подворье. Познакомились; сейчас они обживаются и привыкают к новому месту. Новина была приятная.

Предложенный думскими боярами объезд вотчины – отклонила напрочь! Не время себя показывать и на народ смотреть. Есть нужда поважнее: подготовка к походу на полные земли! Сотники, во главе с Демиром, уже неделю, всю занимались боевой учебой дружины. С вновь набранными гридями, а это уже более семи сотен горожан, сутками напролет, воинскую науку грыз Унибор, со своими десятниками. Ольга лишь изредка выкраивала время, чтобы проверить результаты учебы и тех, и других. Других забот, не менее важных, хватало!

Первая напасть: отсутствие городского головы. Он, как уехал проведать «хворую» матушку, так где – то и запропастился. Судя по отзывам – человек и работник он был неплохой, штаны на своей должности, не просиживал! Уважали его в городе.

Несколько зим назад, он повздорил по мелкому поводу с Калиной. Меж ними возникла лютая вражда. На сторону своего «жеребца» стала старая Княгиня; на сторону городского головы – Роман. Тяжбу никто выиграть не смог. Решили делать вид, что наступил мир и вражда забыта. Но ненависть в душах спорщиков, тлела до последнего времени.

Когда князь не вернулся с поля брани, городской голова понял, что у Калины настал момент для безопасного сведения счетов. Ждать неминуемой расправы не стал. Распустил слух о немощной матушке, которая проживает далече от Ивеля, и исчез вместе с семьей.

Шесть дней тому, Демир послал наряд, узнать у бывшего дружинника, старого Лепки, соседа, что слышно о возвращении беглецов назад. Гридни вернулись ни с чем. На подворье пусто; на стук в дверь – никто не откликается. В хлеву ревет некормленная скотина.

Встревоженный Демир, сам возглавил наряд. Дверь в хоромы была заперта изнутри. Её взломали и оторопели: в трапезной столы и скамейки перевернуты, а пол и стены обильно политы кровью.

Продолжили осмотр. Кровавые следы вели по длинному коридору и обрывались у двери чулана. А за ней обнаружили всю изрубленную семью: городского голову, его жену, сына с невесткой, десятилетнего внука и старого воина Липку!

О совершенном злодействе, сообщили Княгине. Ольга лично прибыла и осмотрела исход разбоя. Назначила трех дознавателей, но результатов пока небыло. Душегубы оказались опытными и следов не оставили. Были подозрения, но их к делу не пришьешь!

Два дня после этого, Княгиня извела на советы с самыми уважаемыми горожанами. На третий день, после долгих уговоров, городским головой назначила думского боярина Фиадора. Поиск татей – продолжался.

Вторая напасть, еще более значимая для Ивеля: мировой судья. Прежний – с охоты так и не возвернулся. И снова все повторялось: с Калиной они зачатые «друзья». Вражда началась недавно, когда мировой судья заинтересовался, откуда у Калины такая бездонная кошница обьявилась? Со старой княжной у него пашни давно закончились, а тратит он на кабаки и бляжких девок, будто князь Роман его к державной казне допустил!

Пригляд за Калиной поставил, подходы к нему принялся искать! Но Калина, прознал про интерес к нему судьи. Однажды, накушавшись медов, явился к нему в рабочую палату и устроил громкий разор. Помощники судьи, еле успокоили разбушевавшегося княжеского любимчика. С тех пор, каждый из них затаился и ждал удобного случая, для смертельного удара.

И вот сейчас, мировой судья пропал. Нужно искать замену. Еще два затраченных дня на поиски и переговоры. Наконец, бляху мирового судьи, получил не самый богатый купец города. Зато – самый честный и к несправедливостям нетерпимый. Наверное, поэтому, он так и не нажил больших богатств.

Купец Архип (так звали нового мирового судью), согласился не раздумывая. Постоянные купеческие разъезды, становились ему в тягость. За детьми, а их было у него аж девять, и все сыны, присматривать становилось трудно. Жена постоянно хворала, а нанятые няньки, справиться с такой оравой отроков, были не в состоянии.

Надев судейскую бляху на могучую грудь, а был он ростом почти в десять вершков (примерно 190 см), и весом в девять пудов, сморкнулся сквозь два перста на пол и прорычал медведем:

– Ведите мне воров по очереди! Я на них буду учиться судить! А после обеда, когда премудрости все пойму – заводите татей и разбойников. – Заметив ехидную ухмылку судебного писца, взял его за шкурку и легонько приложил лбом о столешницу. После чего, авторитет нового мирового судьи, взлетел до небес. А писца – еле отпоили к закату. Княгиня поняла, что она в своем выборе, не ошиблась!

Третья напасть – её новое положение. Имелось ввиду не княжеская корона, а её здоровье. Приступы тошноты заметно уменьшились, зато начали появляться отеки на ногах и пятна на лице. Сомнений давно не было: она готовится стать матерью! Постоянно находясь на людях, стала замечать, что в очах у некоторых, особенно женщин, явственно читается сначала удивление, а затем и понимание.

Первым не выдержал старшина Демир. Со свойственной всем воинам тонкостью в общении, спросил напрямую:

– Княгиня, а ты уверена, что в твоей блевотине, виновата только праща, а ночи, проведенные с Романом, к этому не имеют отношения? – Заметив, как она покраснела, на ответе настаивать не стал:

– Ничего, не расстраивайся! Не ты первая, не ты последняя! Я в этом человек опытный: трижды эту «болезнь» наблюдал. Два раза у жены и один раз у дочки. Трудно – первые два – три месяца! Потом организм к новшествам привыкает, и женщина приходит в порядок. В общем, верь моим словам: от этого еще никто не помер.

Еще один вопрос требовал незамедлительного решения. Пост воеводы Ивельского княжества. Для его решения, Ольга, поочередно, поговорила с каждым сотником. Съездила за советом, к прикованному к постели, бывшему тысяцкому Ерофею. Их предложения, полностью совпали с её мнением. И уже на другой день, под стяг воеводы, стал уважаемый Демир, сын славного в прошлом, витязя Храбра.

Его назначение, и воины дружины, и жители стольного города, встретили с одобрением. Особо этому был рад, старый и хворый Ерофей. Демир был его лучшим учеником!

13

На другое утро, Княгиня, в сопровождении Унибора и городского головы Фиадора, поехала в посад, где были расположены кузни и мастерские оружейников. Особой необходимости, в посещении местных производителей оружия и снаряжения, не было. Просто, перед походом, воительница захотела ознакомиться с их возможностями.

Посад, железных дел мастеров, располагался обособленно и был обнесен забором из плотно подогнанных, высотой в полторы сажени и толщиной в два вершка, не струганных досок. Ольга сразу поняла: – от любопытных очей! Хотя, при необходимости, такой забор, какое – то время, мог бы послужить и защитным тыном.

Возле ворот, окованных узкими, железными полосам, их встретил главный оружейный мастер – Прокоп. По виду, он гляделся большим в ширину, чем в высоту. Облачен был в новый, кожаный фартук до пят. Густые, с проседью волосы, на лбу были перехвачены широким кожаным ремешком, украшенным серебряными бляшками. Подпалины на бороде, говорили о том, что она чаще общается с кузнечным горном, чем с ножницами брадобрея.

При приближении Княгини, Прокоп отвесил низкий, поясной поклон:

– Здрава будь Повелительница! Добро пожаловать в нашу вотчину! – Голос у него оказался низкий, густой, как деготь на холоде. Смотрел открыто, без тени раболепства. Ольге он сразу понравился:

– И тебе и твоим кудесникам огня и вашим близким, тем же отвечаю! – Подбежавший отрок перехватил уздечку Бутона. Своих коней Унибор и Фиадор, к коновязи повели сами:

– Ну, хозяин, показывай нам свое хозяйство! Похвались успехами, раскрой секреты ремесла, если таковые имеются!

– Все покажу, все расскажу!! А вот с секретами – заковыка! Почто, Княгиня, тебе про них ведать? Секреты – они на то и секреты, чтобы секретами оставаться! – Прокоп разудыбался, довольный своим хитрым ответом:

– Тебе ведь, что важно? Чтобы твой оружейный промысел, не уступал соседям, а тем более врагам. А лучше – чтоб превосходил их задумки и воплощения! Ведь так?

– Верно, мыслишь мастер! Что секреты пуще глаза своего бережешь, тоже верно поступаешь! Но и ты пойми меня правильно. Серьезный поход у нас впереди брезжит! Нельзя к нему, спустя рукава, подходить! Каждый недосмотр, каждая мелочь в его подготовке, может очень дорого нам обойтись. Людские жизни от этого зависят! Так, что смекай: не простое любопытство привело меня к тебе.

Осмотр оружейного посада занял половину дня. Княгиню интересовало все: от доставки руды к плавильным горнам, до того, как охлаждаются только – что родившиеся мечи, после окончанияковки.

Откуда – то из глубины сознания, всплыло незнакомое слово «мультик» и перед глазами появился былинный богатырь. В деснице он держал огромный меч, а шуйцей подбросил невесомый женский, шелковый плат. Тот, как облако, спланировал на лезвие меча и распался на две половинки. Видение было таким натуральным и красочным, что Ольга неожиданно решилась. Торопливо развязала шейный шелковый платок, взяла первый попавшийся под руку меч, подняла как можно выше руку и отпустила шелковый лоскут на лезвие меча. И он лег точно. Невесомый платок обнял клинок и больше ничего не произошло. Виденное в мультике чудо, не повторилось!

Прокоп выглядел немного смущенным. Недовольно передернул могучими плечами и загудел:

– Еще от отца, потомственного кузнеца – оружейника, я слышал о таком способе проверки остроты клинка. Но сам никогда, в своей жизни, не видел разрезанный плат под

своим весом! Честно признаюсь, что неоднократно пробовал заточить лезвие до необходимой остроты. Но у меня ничего не вышло! Булат не позволяет!

Чем больше ты работаешь над остротой клинка, тем больше булат теряет в твердости: или становится хрупким, как первый лед в луже, либо мягким до такой степени, что, даже перерубив им дубовый кол, на лезвии остается зарубка.

Я княгиня, понимаю, что все дело здесь – в способе закалке клинка. Но за три десятка лет, секрет такой закалки, мне не открылся! Ты мне верь, княгиня! Многие сотни способов я со своими мастерами перепробовал!

Ковал булат из трех пластин, перемешивая их железное нутро в единое целое. Добился невероятной гибкости и прочности, но потерял в остроте заточки! Мой узор на клинке, неотличим от узора булата, мастеров жарких, заморских стран!

Ты ведь знатная воительница и понимаешь толк в хорошем оружии. Славный меч – тем и славен, что в нем уживаются три ипостаси: острота, крепость и гибкость! Когда усиливаешь одну из них – теряешь две другие. Заставить их жить вместе в любви и дружбе – означает прославить такой клинок на века! А это мало кому удается! Вот и мне пока это не удалось!

Но я не опускаю руки! Ищу и буду искать, пока не рожу чудо – меч! Лишь бы жизни на это хватило! – Очи мастера горели огнем, грудь вздымалась от частого дыхания, руки беспрерывно сплетались и расплетались перстами между собой. Волнение оружейника передалось и Ольге.

В голове вновь запрыгали цветные, яркие картинки мультика из неизвестного детства. Все как наяву: раннее утро. Над землей стелется легкий туман. Из кузницы выходит уже знакомый богатырь. В каждой руке у него по огненному клинку. Понятно, что они только – что покинули наковальню и еще не успели остыть. Богатырь запрыгнул в седло и конь начал разбег. Туман стелился прямо у него под брюхом. Всадник, на скорости, начал пластовать земляное облако сразу обоими мечами. Постепенно кузнечный огонь на клинках начал меркнуть, а затем и вовсе погас!

И тут Ольга поняла: витязь не просто тешил богатырскую силушку. Он ОХЛАЖДАЛ мечи! Кузнецы КАЛИЛИ клинки в горнах, а он их не просто охлаждал, он их ЗАКАЛИВАЛ в утреннем тумане! Он завершал последний этап рождения меча!

От этой догадки стало нестерпимо жарко. Длани стали мокрыми! Срочно потребовалось время для обдумывания, для закрепления догадки! Княгиня тряхнула головой, обернулась к Унибору и Фиадору:

– Вы пока сходите, осмотритесь в кольчужном цеху, а мы тут с Прокопом, на свежем воздухе покалякаем. – Подождала, пока они удалятся:

– Слушай меня внимательно мастер! Не спрашивай откуда, но меня одна интересная мысль посетила! – И, в подробностях, поведала свое видение, какое она только – что зрела:

– Давай попробуем, не откладывая в долгий ящик, с моей догадкой разобраться! Если получится – вот и славно! Не получится – хуже от того не станет. Погода для проверки моих слов, стоит самая завлекательная! Вот и начинай прямо завтра испытания! Как какой результат проявится, любой, – сразу ко мне с докладом!

– Сделаю, как ты мне сказала! – Прокоп смотрел на княгиню совершенно другими глазами. Надежда и детский страх, что из затеи ничего не выйдет, легко читались на его лице. Но надежды – было больше!

Унибор и Фиадор, увидев, что Княгиня идет к коновязи, заспешили ей навстречу.

Утром, думский боярин Баксай, принес черную новину: третьего дня, при родах, скончалась законная жена Романа – Боголепа. Роды были очень тяжелыми: удущье пуповиной плода и сильнейшее кровотечение при родах у матери. Итог: несмотря на усилия лучших повитух княжества – смерть обоих.

Ольга, услышав страшную весть, некоторое время, сидела, молча, осознавая услышанное. Потом её прорвало. Так она не рыдала никогда в своей жизни. Слезы лились нескончаемым

потоком, тело трясло так сильно, что возникал страх: внутри что – то оборвется! Душа кричала от жалости к сопернице, которую она никогда не видела! От жалости к неродившейся дочке князя, от сострадания к Роману. В голове билась мысль: это наказание Богов невинных людей, за наши прегрешения с князем!

О, Боги! Как вы могли так ошибиться! Нет вины перед вами у тех, которых вы забрали к себе за облака! Вот она я, виновница всех бед! Меня карайте, на меня обрушьте вашу месть! Покройте мое тело струпами, утопите меня в болоте, сожгите меня небесным огнем!

Я, и только я, во всем виновата! Полюбила не вовремя! Не просясь вашего согласия! Любовь душу забрала, очи закрыла! Я виновата, но прощения просить не буду! Ни о чем не жалею! Ведь любовью наградили меня вы, боги, значит и ваша вина есть! Возьмите мою жизнь, мое здоровье, но верните на землю Боголепу и их, совместную с Романом, дочь! Иначе, как мне жить дальше?

Сознание от долгих рыданий, туманилось. Боярин Баксай бегал за водой, замачивал полотенце и прикладывал её на голову Княгини. Не помогало. Ольгу сильно рвало, Говорить она не могла: икота прерывала речь. Слезы уже не текли. Осталось только дрожь в теле.

Лекарь Изосим подсовывал остро пахнущие ватки к ноздрям Княгини, но толку от них не было. Тогда в изголовье сел боярин Баксай. С силой придавил голову воительницы к подушке и накрыл её своим лицом. Гладил волосы и пел какую – то колыбельную, детскую песню. И это помогло!

Дыхание Княгини успокоилось, стало ровным, плечи перестали дрожать, и она попросила укрыть её одеялом. Через минуту воительница затихла.

Сон победил отчаяние! Ольга забылась тяжелым, полным кошмарами, сном.

Не зря говорят в народе, что время и сон – являются лучшими лекарями! Проснулась она под вечер, когда на землю уже опустились сиреневые сумерки. Страшно хотелось есть. Она, по сей день, продолжала питаться из дружинного котла, отказываясь переезжать в княжеские хоромы, где была отдельная кухня с поварами, службой и княжеской посудой. Дружинное подворье было её привычной, и менять свои привычки, она пока не собиралась.

На настоятельные просьбы, главного хранителя и ключника княжеского терема, а по жизни – главного воспитателя и учителя князя Романа, старого думского боярина Сивка, внимания не обращала. Хотя иногда мелькала мысль: негоже княгине в дружинном помещении обитать! Там ведь одни мужики бродят, зачем ей лишние пересуды?

Неспешно направилась на кухню. Ужин у гриден только закончился, но котлы были еще горячими. Набрала полную миску гороховой каши с молодым барашком и с удовольствием её съела. Запила хорошей кружкой горячего сбитня и на душе повеселело. Неожиданно пришло желание съездить и посмотреть на свои княжеские покои. А как там живут князья? Все равно, спать не хотелось, а занять себя нечем. – Еду!

14

Сопровождение она себе не взяла. Выехала одна, предупредив караульных, чтобы не волновались. Скоро будет назад.

Слежку заметила сразу. Улица, в это время была малолюдной и она обратила внимание, что за ней пристроились четверо всадников. Буто́н шел посередине дороги. Попутчики разделились: двое, отстав от неё на полсотни сажень, держались в тени домов справа, двое – почти на хвосте Бутона, тропили мостовую слева. Лица скрыты наголовниками.

Воительница пропустила взором дальнейший путь: улица широкая, но скоро, после небольшой площади, сужается до узкой просеки среди изб, окруженных фруктовыми деревьями. Отличное место для нападения! Если у них черный замысел, то воплощать они его будут – именно там!

Стараясь быть незаметной, отстегнула лук от налучья. Приготовила четыре стрелы с утяжеленными наконечниками. Освободила от ремешка «добрых намерений» меч.

Все! Она к поединку готова! Оставалось только ждать и выяснить намерения попутчиков. А это случится очень скоро!

Улица повернула. И сразу стало много темнее. Зацокали копыта лошадей преследователей, убыстряясь в беге. Перстень, молчавший долгое время, ударил обжигающим, ледяным холодом. Ольга приготовила лук. Стрела легла на тетиву, высматривая первую жертву. Ей уже хотелось крови.

Снаряд выпущенный из пращи, Ольга угадала и успела скользнуть вниз из седла. Он просвистел в верхушке от уха. Сомнений, что это все по её душу – не осталось!

Бой! Враг определен!

Ольга наострила лук. Две стрелы – двое всадников, которые ближе, повалились из седел. Еще выстрел – и еще один из преследователей повалился на землю. У второго, посмертно заржала лошадь. Бой, скоротечный и беспощадный – закончился.

И тут же улицу заполнили гриди воеводы Демира. Их было столько много, что они не умещались на узкой улице. Казалось, что их совсем не интересуют выбитые стрелами воительницы смертники. Интерес вызывал – лишившийся лошади наемник. К нему отнеслись, как к нежному другу. Подняли, усадили, увезли. Демир подъехал вплотную к Ольге:

– Прости, Княгиня, но больше без моего дозволения, ты и шагу не сделаешь! Почему ты никак не можешь понять, что твоя жизнь, теперь, принадлежит не только тебе, но и всему княжеству? Твоему, еще не народившемуся, ребенку!

Почто выезжаешь в ночь без охраны, не предупредив ни меня, ни еще кого – либо? Ты так сильно уверена в своем воинском умении? Тогда позволь тебе напомнить о шишке на голове, которую ты заполучила, находясь тогда, куда в лучшей, боевой форме! Напомнить тебе, что еще не придумали заговора, от метко пущенной стрелы наемного убийцы!

– Ольга опустила голову: крыть было нечем. Действительно, если смотреть на её поступок с позиции опытного воина, то его, кроме – как детское баловство, не назовешь! Демир, сейчас, был прав во всем!

– Прости меня воевода! Ты прав, больше такого не повторится! Отныне, делай так, как тебе предписывает Устав и твои обязанности по обеспечению безопасности Княжеской семьи. Я полностью в твоём распоряжении! Руководи!

На том и порешили.

До княжеского подворья, теперь её сопровождал отряд из двух десятков гриден дружины. Мост был опущен, и проблем въехать в малую крепость не было. Ворота были нараспашку. Возле не маленького костра сидели два стража, особо по сторонам, головами не вертевшие. На цокот копыт отреагировали вяло, без особого воинского прилежания. Демир спрыгнул

с коня. Сторожа приподняли задницы и подслеповато глядели на незваного гостя. Разглядев кто перед ними – засуетились, затеяв поправлять снаряжение и стараясь спрятать великие чрева. Демир выдержал паузу, давая возможность охранникам привести себя в бравый вид и только потом рявкнул:

– Начальника охраны – ко мне! – Оба сторожа дернулись выполнять приказ, но при этом столкнулись лбами и повалились на пятые точки в разные стороны. Громкий хохот двух десятков гридней, оценил их служебное рвение. Демир, веселья подчиненных, не разделял.

Через малое время, гремя копьём по кольчуге, появился главный охранник княжеского подворья. Тяжелая отдышка, из —за излишнего веса, не позволяла ему начать доклад, но при этом, извещала всех, кто стоял от него на расстоянии не более десяти шагов, что меды и сбитень в стольном городе, варить не разучились!

Демир, в ярости, нахмурил брови. Сделал два шага вперед и со всего размаха врезал кулаком в необъятное брюхо главного сторожа. Воздух, с превеликим шумом, из всех дырочек в теле, кроме ушей, стал покидать брентую оболочку толстяка. Шмыгнул нос, хрюкнуло горло, но особо залиvistую и внушительную трель, выдала задница. На глазах у всех, начальник охраны, становился выше и стройнее! Но «всех» – это особо не радовало: ароматы из чрева хозяина ворот княжеского терема, сильно отличались от луговых. Даже сидящая на коне Воительница, начала икать, в предчувствии приближающегося приступа тошноты.

Воевода приказал собрать всех охранников и построиться перед подъемным мостом. Время для этого, много не потребовалось. Через полчаса, невеликий строй, великих толстяков, замер, на хорошо утоптанной площадке, вокруг которой горели уже четыре костра. Было светло, как днем. Всех их насчитывалось, на обширное княжеское подворье – аж две дюжины «отчаянных и зорких стражей», в возрасте от тридцати до сорока пяти лет. Оружие – длинные копья с тупыми наконечниками и, до безобразия ржавые, короткие мечи. Зато рожи каждого, напоминали парную телятину и лоснились, как – будто были натерты смальцем.

Воевода дважды прошелся перед строем, пристально глядя в харю (лицом назвать, не поворачивался язык) каждому из грозных сторожей. Затем сказал короткую, но торжественную речь. Она сводилась к тому, что княжество переживает, нелегкие времена и возникла потребность в смелых, сильных, выносливых и работающих людях, для выполнения ответственного задания. Выбор пал на команду княжеских охранников, как на лучших, из лучших! Как на самых надежных и работающих! Все знают: эти не подведут!

Именно поэтому, они завтра, в полном составе, под руководством младшего лесничего Дрёмы, отправятся в Рудный лес, за полсотни верст от тракта, на заготовку корабельного и строительного леса! Лесничему Дрёме, даны особые полномочия по поощрению лучших работников и наказанию нерадивых, посредством применения или неприменения пастушьего кнута с гирькой на конце. Поощрение – это когда кнут отдыхает. Наказание..., ну здесь все понятно!

В помощь лесничему выделяют еще двух катов (кат – палач, секущий провинившихся на площади), из свиты мирового судьи.

По мере яркого выступления воеводы, лица сторожей теряли цвет парной телятины и приобретали цвет солонины, пролежавшей в солевом растворе, не менее седмицы! А при упоминании об их новом начальнике Дреме – совсем загрузили. Особенно начальник стражи. Воздух возобновил выход из его чрева, уже без помощи кулака Демира,

Дело было в том, что Дрема обладал несколькими выдающимися способностями: буйволиной силой, детским разумом и сказочной исполнительностью. Однажды, он голыми руками задавил пятилетку шатуна – медведя. Другой раз, старший лесничий, в шутку, отправил его в лес за цветной ольхой. Но она проросла только в Гамарьиной пуще, в предгорьях Караньского хребта. А до неё было – более четырехсот верст.

Вернулся, Дрема только через три луны, на телеге, в которой лежали два ствола заказанной ольхи. Худой, грязный, но довольный своим послушанием!

И вот теперь, такой дуrolом, будет ими руководить! Есть от чего загрустить и измениться в лице. Спорить и возмущаться, у охранников смелости не хватило и они, молча, отправились собираться в дорогу. Занятость толстомордой команды, до первого снега, была решена. Их место уже занимали пять десятков гриден сотника Тарана. Это теперь была личная охрана Княгини, и жить она должна на княжеском подворье. Демир, с остальными гриднями, убыл восвояси. Ольга приступила к знакомству со своим, отныне постоянным жильем. В этом её помогал главный хранитель и ключник – сухонький, пятидесятилетний думский боярин Сивко. По причине бездетности и вдовства, он постоянно проживал в княжеском тереме, в богато обставленной горнице на нижнем ярусе – этаже.

Терем Ольге понравился. Непривычная к роскоши, она с удовольствием разглядывала роскошные ковры и шкуры, устилавшие полы всех помещений; тяжелые, бархатные шторы, закрывавшие оконные проемы; массивную дубовую, резную мебель, бархатом же обитую; серебряные, кованные подсвечники, большим числом украшавшие помещения; невиданные растения, во множестве произраставшие в кадках из мореного дуба.

Особенно ей понравился огромный зал, с окнами забранными цветными, стеклянными витражами, высоченным потолком и стенами, увешанными различным оружием. В нем не было шкур и ковров, зато пол был выстелен полированными плахами из различных сортов дерева. Если в нем поставить пиршественные столы – за них сядет человек сто пятьдесят. А то и более! А если для хороводов или плясок, то людей уместится вдвое больше!

Себе, для житья, выбрала светелку, на третьем ярусе. До этого её никто не занимал, поэтому попросила Сивка, обставить её, по своему вкусу. Чем сейчас и занимались вызванные мастеровые.

Сивко ей нравился своей немногословностью и деловитостью. Казалось, он умеет читать её мысли: она только начинает что – то предлагать, а он уже отдает распоряжения своему помощнику.

Для трапезной, Ольга выбрала небольшую горницу на первом ярусе, окна которой, выходили во фруктовый сад с небольшим прудом с живущими в нем лебедями. В ней тоже распоряжались мастеровые. Одним словом, присутствия Ольги на месте работ, не было никакой необходимости. И она вновь оседлала Бутона. Из ворот подворья Княгиня выехала при плотном сопровождении двух десятков гриден в полном боевом снаряжении.

Встречные горожане, снимали головные уборы и земно кланялись. С одной стороны – это было приятно, со второй – непривычно.

На дружинном подворье было безлюдно. С сегодняшнего дня боевая учеба была перенесена в поле. Но воевода был на месте. Сидя в бывшей горнице Ольги, он дожидался результатов допроса, захваченного ночью наемного убийцы. В принадлежности к этой специальности, вопросов не было. Под мышкой, оставшегося в живых татя, была обнаружена тату в виде черного паука!

– Понимаешь, я послал ребят, чтобы они доставили трупы, тобой срезанных нападавших, на дружинное подворье. И тут мы их подраздели и осмотрели. У всех троих – под мышкой пауки. Ожидаемо, точно такой же, оказался и у оставшегося в живых.

Первый, поверхностный спрос показал, что все четверо – дикие горцы с караньского хребта. Ныне жду результатов настоящего спроса. Сейчас полонянином занимаются настоящие спецы по спросам. – Ольга понимающе кивнула. Сейчас воевода находился в родной стихии и ему указы, и советы вовсе были не нужны:

– Воевода, не угостишь ли княгиню, по старой дружбе, чем – ни будь покрепче, и похолоднее чем сбитень? Настроение на меня такое напало! – Демир загрохотал сапогами и выско-

чил за дверь. Через малое время он вернулся, неся перед собой приличный кувшин с пенным напитком от которого по горнице мгновенно распространился дивный запах лугового меда:

– Только вчера бочонок вскрыли из запасов Ерофея. Меду – не меньше трех десятков лет! И сварен на совесть! – Налил в старинный серебряный кубок, который в этой горнице выглядел инородцем. Зато пахучий мед, был выше всех похвал! Ольга с удовольствием осушила, за несколько глотков, чуть – ли не половину. Взглядом выразила воеводе восхищение и благодарность.

Допить до конца не удалось: в горницу, без стука, ввалился оружейник Прокоп. Вид был его так необычен, что у княгини, от удивления, открылся рот: совсем недавно, новый кожаный фартук просвечивал свежими прогарами, сапоги в золе и металлической окалине, когда – то окладистая борода, с правого бока, сильно обгорела. Волосяного кожаного ремешка на лбу не было, волосы торчали в разные стороны и налезали на лицо. Руки были заняты чем – то, завернутым в мешковину. Очи блестели как у безумного! Обвел взглядом горницу, и казалось, с трудом признал воительницу. Грохнулся перед ней наколени так, что застонал дощатый пол, сложенный из толстенных плах:

– Княгиня! Матушка! У меня все, благодаря твоим нареканиям, получилось! – Из очей обильно заструились слезы, оставляя дорожки, на давно немытом лице. От его густого голоса, закладывало уши! Плечи его тряслись от беззвучных рыданий, губы шлепали, выталкивая нужные слова. Руки путались в мешковине, стараясь открыть там спрятанное от посторонних глаз. Наконец это ему удалось: мешковина упала на пол. На вытянутых вперед руках мастера, покоился меч!

15

В горнице повисла оглушительная тишина. Княгиня и воевода зачаровано зрели на чудо, созданное человеческими руками. И не надо быть знатоком железа и оружия, чтобы понять: перед ними – **НАСТОЯЩЕЕ ЧУДО!** Такое, какое не всем судьба позволяет узреть в течение всей длинной человеческой жизни.

Меч выглядел необычно. Это была уже не заготовка, а готовое к бою оружие. Длиной чуть больше двух аршин. Шириной – в вершок. Сквозь голубоватую, полированную поверхность клинка, явственно проступали замысловатые узоры скрученности металла. Булат! Настоящий! Сомнений нет!

Рукоять убрана костяными накладками – кольцами: в руке скользить не будет! Гарда – крестообразная с защитными шишаками на всех четырех лучах. В навершии рукояти – крупный ограненный кристалл зеленого цвета. Изумруд? Похоже! Но сколько, же стоит камень такой величины?

Как мать, с осторожностью и неземной нежностью, принимает у повитухи только что рожденного дитя, Ольга, с трепетом, взяла меч в свои руки. От его тяжести исходило мужественное тепло, которое усиливалось перстнем и растекалось по всему телу.

Чувства, которые сейчас охватили Ольгу, были сродни тем, что она испытала несколько раз, в светелке, убранной речными лилиями, от близости с Романом! Но было в них – больше нежности материнства, чем восторга от слиянии с мужским телом! И тепло от клинка распространялось по телу от головы – вниз, к лону. Тогда же волны счастья катились, наоборот: от лона – к сердцу.

За спиной, глядя поверх её плеча, взволнованно сопел Демир. Ольга обратила взгляд, на продолжавшего стоять перед ней на коленях, мастера. Лицо его выражало бесконечную горечь, от расставания со своим детищем блаженный восторг, что меч попал в надежные руки:

– Прости княгиня, за мой вид! Три ночи не спал ни я, ни мои подмастерья! Меч довести успели, а вот на ножны и личный образ – времени не хватило! А ждать, от переполняющих меня чувств, я больше не мог! Клинок жег мне руки и душу: к тебе в руки просился! Я это точно знаю!

Не мог я более его приказам противиться. Несмотря на ночь, поскакал к тебе с подарком! Прими его, от всех нас, оружейных мастеров! Каждый внес свою лепту в создание этого чуда! Но твой вклад в его рождение – неизмерим с нашим! Только благодаря твоим словам, твоему совету, он стал тем, кем он сейчас стал! Гляди сама: – Суется и спеша, достал из пазухи, её же шелковый плат, который она забыла в его кузнице, после необычного испытания остроты клинка. Взмахнул рукой и подбросил легчайший клоч материи, высоко над головой:

– Лови, княгиня, его клинком! – Ольга подставила меч под плавно опускавшийся, невесомый квадратик щелка. Платок спланировал ровно на лезвие и разделился на две половинки!!

Демир, от удивления, широко раскрыл рот. Но вымолвить, хоть одно слово, не смог. Только зубами клацнул, когда его закрывал!

Изумленная увиденным, воительница, молча разглядывала две половинки платка, сиротливо лежащие на полу. А мастер Прокоп не унимался:

– Воевода! Доставай меч, и скрести его с моим! Княгиня, рубани, что есть мочи! Посмотрим, чей клинок крепче и острее! – Демир, замороженный происходящим, мгновенно выполнил команду мастера: выхватил свой меч из ножен и принял боевую стойку, держа его двумя руками и выставив перед собой.

Ольга, на полусогнутых ногах, заскользила в сторону воеводы. Замах по широкой дуге! Демир сделал шаг вперед, подставляя и встречая атаку своим мечом. Звон металла при

встрече! И воевода, в изумлении, уставился на короткий обрубок, что остался в его руках. Рот повторно раскрылся, да так и остался в таком положении, сведенный судорогой удивления, произошедшим. Ольга, по инерции, посунулась вперед, и новоявленный клинок со свистом врезался в деревянные плахи. Картинка замерла.

Демир с преглупым видом пялился на то, что осталось от его боевого меча. Ольга, в полусогнутой стойке, взирала на острие своего, на три вершка утонувшего в деревянном полу. Целого и невредимого!

От меча воеводы осталось рукоять и треть клинка. Срубленный остаток – валялся под ногами. Густой бас Прокопа перерос в визг. Что – то среднее между предсмертным поросычьим и брачным ревом лося, при встрече с самкой.

В следующие мгновения, Княгиня могла зреть диковинный танец в исполнении воеводы и мастера Прокопа. Она прилагала массу усилий для того, чтобы освободить свой клинок из пола; Демир, махая над головой обрубком меча, очень правдоподобно изображал, разбуженного до времени, медведя – шатуна. Прокоп, продолжая визжать, пробовал плясать вприсядку, но часто сваливался на пятую точку, при этом, зачем – то лбом, пробовал на крепость, плахи пола.

Ольге, наконец, удалось освободить чудо – меч из деревянного плена и она, близко поднеся клинок к очам, выискивала последствия встречи двух мечей. На её клинке не было ни зарубки ни царапины! И она с посвистом и гиканьем присоединилась к сумасшедшей, дикой пляске. Новорожденный меч выписывал сложные фигуры над её головой.

В горницу, привлеченный ревом, визгом и свистом, заглянул старшина Унибор. При виде такой картины, он поспешно захлопнул дверь. Пляшущие, княгиня и воевода: расскажи кому – не поверят!

Наконец восторги улеглись. Пришло отрезвление и время анализа. Мастер Прокоп выразился кратко, но емко:

– Княгиня! Заслуга в удаче – полностью твоя! Булат ковали как всегда. Трое кузнецов, одновременно, смешивали кувалдами на наковальне три стальные полосы. Когда клинок приобретал свои формы, в дело заступал – я! Заматывал рукоять мокрыми шкурами и садился на коня. Студил клинок, рубя им утренний туман. Именно от этого происходила та самая закалка булата, которая позволяла сохранить три ипостаси металла: остроту, гибкость и крепость! – Медовый бас мастера ласкал уши. Было понятно, что этот день, стал в его жизни главным:

– Отныне, я могу не ставить свое клеймо на оружие! Меч, сделанный мною, прославит воина, им владевшим, – на века! Имя Прокопа, оружейника из Ивеля, будет известно во всем поднебесном мире! – Чувствовалось, что недостатком гордыни, мастер Прокоп – не страдал! Наконец он поднялся с пола. Показалось, что он увеличился в росте. Лицо выглядело торжественным, и в очах плескалась уверенность в себе и неприкрытое достоинство за воплощение своей многолетней мечты:

– Позволь откланяться Княгиня! Дел полон рот! Надо заканчивать работы по ножнам и запускать изготовление первой партии мечей для дружины! Надеюсь, заказ от тебя последует?

Да, самое главное, я у тебя не уточнил: как носить меч будешь? За спиной, аль на бедре? И под какую руку ножны ладить? – Получив ответы, низко поклонился и чуть ли не бегом отправился восвояси.

Княгиня и воевода вновь склонились над чудесным мечом. Стоило Ольге прижать персты к булату, как он, словно живой, откликнулся порциями дружеского тепла. Ничего похожего, Демир не чувствовал. На его прикосновения – меч не отвечал! Вскоре, к их любованию клинком, присоединился Унибор. На их повет, он недоверчиво улыбался и поглядывал в сторону

кувшина с медом. Очевидно, что он полагал его причиной, столь восторженного рассказа. Даже обрубок меча воеводы, не настроил старшину на серьезный лад!

Воительница прибегла к последнему аргументу и через мгновение, от боевого меча Унибора, в его руке осталась только рукоять! Чисто срезанный клинок, как живой, запрыгал по деревянному полу и успокоился в углу горницы.

И вот тут старшину проняло! Остекленевшим взглядом он глядел на огрызок своего боевого меча, с которым он уже шесть зим не расставался, и который многократно выручал его в тяжелых сечах. Побелевшими губами, как заклинание, повторял:

– Быть такого не может! Мой меч рожден в роду Кротов, пещерных жителей предгорий Караньского хребта. А они справедливо считаются лучшими кузнецами – оружейниками, среди кузнецов всех близлежащих земель! Ему сносу быть не должно! – Вмешался воевода:

– Мой бывший меч служил еще моему деду, а затем отцу! И меня, почти два десятка зим, ни разу не подвел. Я им ступеньки в песчанике сек, во время похода против горцев! И ему хоть бы хны!

Тупился – это да! Но пройдуся по лезвию оселком, и опять хоть брейся! А видишь, что сегодня, после встречи с прокоповским мечом, что с ним стало? Как друга близкого потерял, душа и сейчас ноет! – Княгиня перебила:

– Хватит вам плакаться, когда радоваться надо! Первые мечи, которые Прокоп с мастерами изготовят – ваши! Не хуже прошлых будут! Еще и гордиться будете: одними из первых чудо – мечами, великого мастера, обзавелись! Али нет желания владеть клинком, таким, как я владею? Это же не просто кусок откованного железа! Это произведение, кладезь человеческой мысли, итог многолетнего труда многих и многих мастеров! – Стоны и всхлипы мгновенно смолкли. Внимание опытных воинов вновь обратилось к новорожденному клинку.

Княгиня, наконец – то допила, налитый в серебряный кубок, мед.

Рано утром, когда уже начало светлеть, вновь явился Прокоп. Он свое обещание выполнил: под мышкой, завернутые в мешковину, прибыли ножны для меча – кладенца. Так предложил назвать его Унибор, услышав о «КЛАДЕЗЕ человеческой мысли».

Ножны были под стать мечу. Клинок вошел в них не оставив ни малейшего зазора, обняв его, как боевая рукавица обнимает богатырскую длань. Снаружи они были обличены в красную кожу, хорошей выделки. На ней примостилась россыпь мелких золотых и серебряных звездочек, образуя затейливый узор. Края ножен, были подчеркнуты золотой же проволокой. Вход в устье и дно охватывали серебряные накладки тонкой работы, в виде виноградных гроздей. Одним словом – это были **НОЖНЫ** с большой буквы и очень дорогие по цене. Даже крепежные ремешки были не простыми: витыми из желтой буйволиной кожи с серебряными застежками.

На вопрос Ольги, сколько она должна за кладенец, Прокоп поморщил лоб и молвил с обидой в голосе:

– Не ты нам, а мы все, мастера горячего железа, тебе должны! Только благодаря тебе и твоему с нами откровению, мы, много лет на это потратив, научились делать настоящее булатное оружие! Твой секрет, который ты передала нам, стоит всего золота и серебра, которое есть в твоём княжестве. Мы, мастера, подумав крепко, решили платить тебе четверть с каждого проданного оружия. Это – не считая обычной дани! А как наши мастеровые решили – так и будет! А за мечи для дружины, будем с казны просить половину их стоимости. Если согласна, то по рукам! – Рукопожатие состоялось!

– Только просьба к тебе, мастер Прокоп! Первые два сделанных меча – воеводе и старшине! Негоже заглавным дружинникам, без мечей перед воинами красоваться! – Прокоп, в ответ, согласно закивал головой.

По уходу мастера, Ольга вновь освободила кладенец из ножен. Рукоять грела длань, или длань грела рукоять – не поймешь, да это было и не важно! Главное, что они оба, и меч

и хозяйка, чувствовали взаимное тепло. Меч в длани сидел, как влитой и казалось, что он является живым продолжением руки. Перед тем, как вложить его обратно в ножны, она приложила полированный булат к губам, и ей показалось, что она коснулась губами не мертвого железа, а живых, теплых губ Романа. Она даже встряхнула головой, сбрасывая наваждение: настолько явственными были её ощущения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.